

тема номера

УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ: В ПОИСКАХ КРИТЕРИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ

интервью

С.Р. Зеленин
Смысловое содержание
социальной справедливости
не является застывшей
константой

« Меняется законодательство, меняется политическая составляющая общества, а вслед за этим корректируется и конкретика справедливости. Однако неизменным остается принцип «справедливость – это всегда соответствие наказания содеянному». Истинно справедливым будет то наказание, которое вызовет одинаковое ощущение его соразмерности, обоснованности у всех сторон и участников процесса.

Применение смягченных, усиленных и смягченно-усиленных санкций в судебной практике

10

Особенности реализации норм об освобождении от уголовной ответственности

18

Номенклатура наказаний и перспективы развития альтернатив лишению свободы

28

Принудительные работы как мера уголовного наказания

42

Судья

август | 2020

УЧРЕДИТЕЛИ

Верховный Суд
Российской Федерации

Конституционный Суд
Российской Федерации

Совет судей
Российской Федерации

Судебный департамент
при Верховном Суде
Российской Федерации

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.В. Бондар
М.И. Клеандров
В.Н. Мельников
В.В. Момотов
П.П. Одинцов
П.П. Серков

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.В. Зияудинов
А.С. Лацейко
О.С. Ноговицына
Е.А. Поворова

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А.Ж. Малышева

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Е.А. Поворова

ДИРЕКТОР РЕДАКЦИИ

Д.Ю. Давыдов

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Ю.А. Дарымова

РЕДАКТОР

Е.А. Ловягина

КОРРЕКТОР

Т.А. Казакова

ДИЗАЙН И ВЕРСТКА

О.Ю. Гранкин

ЖУРНАЛ «СУДЬЯ» № 8 [116] 2020
СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РЕГИСТРАЦИИ СМИ
ПИ № ФС 77-36367 от 19.05.2009 г.,
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

РЕДАКЦИЯ И ИЗДАТЕЛЬ

АНО Редакция журнала «Судья»
123242, г. Москва, ул. Баррикадная,
д. 8, стр. 4. Тел.: +7 (499) 350-0015
info@zhurnalsudya.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ

107031, г. Москва,
Страстной бульвар, 14/16, подъезд 3

ОТПЕЧАТАНО

ООО «Криэйженс»
125040, г. Москва, ул. Скаковая,
д. 5, стр. 1

ПОДПИСАНО В ПЕЧАТЬ
04.08.2020 г.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

Формат 60×84/8. Гарнитура Muller
Усл.-печ. л. 8,0. Печать офсетная
Тираж 9370 экз. Заказ № 116-0820

© РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «СУДЬЯ», 2020

Редакция не несет ответственности
за достоверность информации,
содержащейся в рекламных объявлениях
и авторских материалах. Мнение
редакции может не совпадать с точкой
зрения авторов. Присланные материалы
не рецензируются и не возвращаются.

ФОТОМАТЕРИАЛЫ

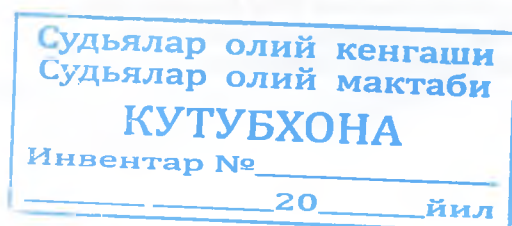
Управление по взаимодействию
с общественностью и СМИ
Верховного Суда РФ (А.Ю. Исаев),
Фотобанк Лори,
Шаттерсток

Едва ли не с самого рождения человеческой цивилизации ведутся дискуссии, и порой весьма яростные, о смысле и целях наказания тех, кто преступил закон. За многие века теория и практика применения уголовного наказания существенно обогатились, но споры о нем не утихают и поныне. Еще в XIX веке Гавриил Ильич Солнцев, возглавлявший отделение нравственно-политических наук, а затем ставший ректором Императорского Казанского университета, говорил, что «конечной целью наказания является... соблюдение в государстве общественного порядка и обеспечение как внутреннего благоденствия, так и внешней безопасности государства и его граждан». А декан юридического факультета и ректор Московского университета Сергей Иванович Баршев примерно в те же годы отмечал, что «наказание есть возмездие за преступление, которое основывается на нравственном законе справедливости и исходит от верховной власти».

Принято говорить, что у государства есть «монополия на насилие», в том числе и на наказание преступников. Государство вправе вводить те или иные ограничения личных свобод — разумеется, строго в соответствии с законом и в целях охраны общества. Верховный Суд Российской Федерации еще в декабре 2015 года дал обширные разъяснения как по процессуальным, так и по материальным аспектам назначения наказания. Не сомневаемся, что все представители юридического, в том числе судейского и научного сообщества, внимательно изучили этот документ и держат его под рукой.

Сейчас же мы можем наблюдать, как поиски критериев справедливости, тенденция к индивидуализации наказания, а также взятый Россией курс на гуманизацию уголовного законодательства приводят к расширению номенклатуры видов наказания. И хотя, по мнению большинства граждан, основным и наиболее действенным наказанием остается лишение свободы, нельзя не задуматься о том, насколько эффективны в правоприменительной практике введенные законодателем иные, альтернативные лишению свободы меры.

Этот номер посвящен теме назначения наказаний. Проблемы, которые освещаются в нем, интересны в том числе и потому, что их решение требует тесного взаимодействия теории и практики. Например, какую роль играет судейское усмотрение при назначении наказаний? Насколько широко поле усмотрения в уголовном законе и какие процессуальные механизмы обеспечивают его? Чем примечателен опыт зарубежных стран, где уголовный процесс строится с учетом состязательного порядка в отношении установления виновности, а обстоятельства, от которых зависит усмотрение суда при индивидуализации наказания, определяются в следственном процессе? Удалось ли добиться снижения применения лишения свободы, а вместе с ним и сокращения российского тюремного населения в целом? Как обеспечить реальное надлежащее исполнение выбранного соразмерного наказания? Все это — актуальные сегодня вопросы, ответы на которые ищут авторы, откликнувшиеся на предложение редакции высказаться в августовском номере журнала.

Судья | август | 2020

Уголовное наказание: в поисках критерия справедливости

ОТ РЕДАКЦИИ

1

Возмездие за преступление и нравственный закон

ИНТЕРВЬЮ

4

Критерием справедливости всегда была и остается соразмерность наказания содеянному.
Сергей Рэмович Зеленин, судья Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации

ТЕМА НОМЕРА

10

Применение смягченных, усиленных и смягченно-усиленных санкций в судебной практике. **Олег Кимович Зателепин**, Верховный Суд Российской Федерации, судья, доктор юридических наук, профессор

ТЕМА НОМЕРА

18

Современные особенности реализации норм об освобождении от уголовной ответственности и наказания.

Анатолий Анатольевич Толкаченко, Научный центр исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия, главный научный сотрудник, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации в отставке

28

Номенклатура наказаний и перспективы развития альтернатив лишению свободы. **Леонид Витальевич Головкин**, МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора, доктор юридических наук, профессор

35

Уголовное наказание и меры уголовно-правового характера: соотношение и перспективы применения.

Алексей Валерьевич Пилюк, суд Ямало-Ненецкого автономного округа, председатель, доктор юридических наук

42

Принудительные работы как мера уголовного наказания.

Александр Иванович Погорельский, Орловский областной суд, судья

48

Присоединение неотбытого по первому приговору дополнительного наказания к наказанию, назначенному по последнему приговору суда. **Сергей Владимирович Скрипов**, суд Ямало-Ненецкого автономного округа, судья

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

52

Экономическая реабилитация бизнеса.

Алексей Александрович Рябов, Экспертно-правовой центр Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, руководитель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», эксперт проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики, кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

57

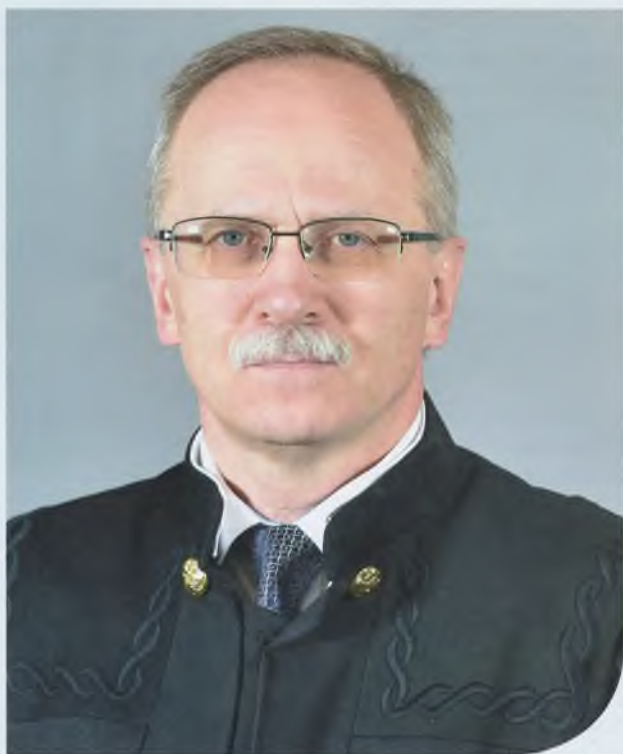
Судебные решения в уголовном судопроизводстве и социальные запросы общества. **Оксана Валентиновна Качалова**, Российский государственный университет правосудия, руководитель научного направления исследования проблем уголовного судопроизводства Научного центра исследования проблем правосудия, доктор юридических наук, доцент

МИРОВАЯ ЮСТИЦИЯ

61

Мировая юстиция в Солецком судебном районе Новгородской области

Критерием справедливости всегда была и остается соразмерность наказания содеянному

Система уголовных наказаний вызывает споры и обсуждения как среди профессионального сообщества, так и обычных граждан. С одной стороны, общественные представления о справедливой мере возмездия и назначенное судьей наказание не всегда совпадают. С другой стороны, профессионалы все больше внимания и сил уделяют совершенствованию шкалы наказаний. И государство в свою очередь прилагает усилия к тому, чтобы создать соответствующую целям и задачам уголовного наказания инфраструктуру.

Сергей Рэмович Зеленин работает судьей в Судебной коллегии по уголов-

ным делам Верховного Суда Российской Федерации с 2005 года. На наши вопросы о системе наказаний, предусмотренной отечественным Уголовным кодексом, о роли судейского усмотрения в выборе справедливого и соразмерного содеянному наказания, а также о понимании справедливости в обществе Сергей Рэмович отвечал не только с позиции судьи с многолетним стажем отправления правосудия, но и основываясь на своем большом научном опыте.

Сергей Рэмович, как Вы считаете, изменилось ли понимание обществом социальной справедливости применительно к уголовному наказанию?

Конечно, смысловое содержание социальной справедливости не является застывшей константой. Оно изменяется со временем и зависит от общего уровня правовой культуры общества.

Если сравнить приговоры, например, 1930-х или 1950-х гг. с современными, мы увидим, как сильно изменился подход к критериям справедливости. Наказание, которое считалось соразмерным совершенному деянию, например, в 1950-х гг., сейчас может восприниматься абсолютно иначе.

Меняется законодательство, меняется политическая составляющая общества, а вслед за этим корректируется и конкретика справедливости. Однако неизменным остается принцип «справедливость – это всегда соответствие наказания содеянному». Истинно справедливым будет то наказание, которое вызовет одинаковое ощущение его соразмерности, обоснованности у всех сторон и участников процесса.

Но давайте абстрактные рассуждения приземлим. Юрий Матвеевич Ткачевский, раскрывая цели уголовно-исполнительного права, отмечал, что определение справедливого наказания в суде – это только начало, а самое главное происходит после приговора за стенами суда, когда начинают действовать наложенные судом на человека меры по его исправлению. Вопрос в том, будет ли достигнута благодаря им социальная справедливость.

А что будет важным для суда первой инстанции? Именно назначение справедливого наказания, являющееся итогом большой работы по рассмотрению дела. Судья слушает показания сторон, исследует представляемые доказательства, оценивает личность виновного. А потом, удаляясь в совещательную комнату, решает самый главный вопрос, определяя меру справедливого наказания, отвечающую критериям социальной справедливости. И этому моменту как нельзя лучше соответствует символ справедливости – весы. Законодатель предусмотрел в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации значительный диапазон наказаний – как по видам, так и по размерам. В остальном определяющую роль играет усмотрение суда, и это абсолютно верный

и полностью отвечающий смыслу правосудия в целом подход.

На одном из заседаний Клуба имени Замятнина как раз обсуждалась необходимость проявления активной позиции судьи при назначении наказания.

Да, судебское усмотрение должно быть проявлено при назначении наказания в первую очередь. Сама по себе квалификация содеянного выглядит как арифметическая задача, которую надо решить исходя из условий, т.е. из фактических обстоятельств дела. Нужно прийти к однозначному выводу, выражающемуся в правильной квалификации преступления. Но после квалификации наступает этап назначения наказания, где усмотрение должно проявиться в полной мере.

Можно ли сказать, что современный законодатель предоставил все условия для реализации судебского усмотрения и вынесения соразмерного справедливого наказания?

С моей точки зрения, предусмотренное законодателем регулирование позволяет судье достаточно точно определить справедливое наказание. И я сейчас говорю не только о разнообразии видов наказания, но и о том, что в рамках одного вида также предусматриваются различные режимы и условия его отбывания: для лишения свободы, например, это возможность условного осуждения, а также различные виды режима исправительных колоний, для исправительных работ – процент заработка, отчисляемый в бюджет, и т.д. Важно, чтобы судьи не шли по проторенной дорожке, а видели весь спектр возможностей, который им предоставлен уголовным законом, и осознанно им пользовались, вникали в каждую конкретную ситуацию, учитывали все обстоятельства и, соответственно, принимали справедливые решения.

Верно ли, что наказания с течением времени становятся все более гуманными?

Движение общества в сторону гуманизации уголовной ответственности и в самом деле очевидно. Меняется социально-экономическая ситуация, права и свободы человека получают более устойчивые гарантии. И сейчас и в российском, и в зарубежном уголовном праве актуальна тенденция к экономии мер уголовного воздействия. Законодатель стремится

не расширять без острой необходимости применение уголовных репрессий, уголовного наказания.

Надо сказать, что юристам всегда было известно это понятие — «экономия мер уголовного воздействия». Но очень важно, чтобы и общество также понимало и принимало такие тенденции. Конечно, это не исключает ни криминализации новых видов преступной деятельности, ни усиления уголовной репрессии за отдельные виды преступлений сообразно воле законодателя.

Однако многие меры наказания в современной России были введены без учета того, могут ли они быть реализованы на практике.

Уголовный кодекс принимался в 1996 году, и многие новые на тот момент виды наказания вводились на основании не до конца проработанных и осмысленных криминологических концепций. Уголовная политика тех лет в определенной степени характеризовалась благими пожеланиями, с одной стороны, и недостаточными научной обоснованностью и эмпирическим апробированием — с другой. Возьмем, например, арест. Предполагалось, что кратковременное заключение в условиях строгой изоляции окажет на заключенного более эффективное воздействие, чем длительное содержание в местах лишения свободы. Но эта норма до сих пор не получила применения, в том числе из-за отсутствия необходимой инфраструктуры ее использования. Или другая мера — принудительные работы. Этот вид наказания очень тяжело внедрялся на практике, и широкое его назначение судами стало возможным только несколько лет назад, когда государство смогло выстроить систему исправительных центров, где реализуется назначенное наказание. Конечно, можно вспомнить не такое далекое прошлое, когда подобный вид наказания существовал в виде условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением к труду. Отбывалось это наказание осужденными в спецкомендатурах.

А каковы данные за 2019 год и начало 2020-го по примененным видам наказания судами страны?

С 2018 по 2019 год сократилось количество осужденных лиц в целом, поэтому

и статистика по отдельным наказаниям также сократилась. Исключением стали только принудительные работы: в силу их более широкого применения (а оно произошло, как я уже сказал, благодаря расширению и строительству исправительных центров) количество осужденных к данному виду наказания выросло, причем почти в полтора раза. Впрочем, в абсолютных цифрах этот рост небольшой: с 1000 лиц в 2018 году до 1500 лиц в 2019 году.

Как Вы охарактеризуете действия судов по назначению наказания за экономические, налоговые преступления?

Вячеслав Михайлович Лебедев, выступая 11 февраля 2020 г. на совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов, сообщил, что 30% таких дел прекращены судами. Применение лишения свободы к осужденным за эти преступления сократилось до 11% и в абсолютных цифрах составило всего 300 лиц за 2019 год по всей стране.

Приведу для сравнения практику США. Там, по данным юридической прессы, более половины осужденных за уклонение от уплаты налогов осуждаются к лишению свободы, причем это преступление отнесено к категории тяжких и наказание за него может быть вплоть до пожизненного лишения свободы. В российском уголовном законодательстве самое суровое наказание — до семи лет лишения свободы — предусмотрено за сокрытие налогооблагаемого имущества в особо крупном размере. Это тоже тяжкое преступление, но из 46 лиц, осужденных по соответствующей статье УК в прошлом году, реальное лишение свободы назначено только четверым, причем всем — на срок до 2 лет.

Иначе говоря, у нас выбран более гуманный подход к определению наказания по этой категории преступлений?

Да, безусловно.

Учитывает ли судья, назначая наказание в виде лишения свободы, какими могут быть экономические последствия его решения?

Конечно, судам нужно учитывать специфику налоговых преступлений. С одной стороны, налоговые поступления — это возможность, например, реализовать массу социальных программ, а значит, уклоне-

ние от уплаты налогов: это кража денег у людей, которые нуждаются в социальной защите. С другой стороны, необходимо исходить из конкретных обстоятельств дела, учитывать не только сумму неуплаченных налогов, но и созданную предпринимателем экономическую и социальную инфраструктуру — те же рабочие места, объекты общественной значимости и т.д. Наложение несоразмерного наказания за совершенное преступление окажет на них серьезное негативное влияние.

Как, на Ваш взгляд, можно соблюсти баланс между свободой выражения мнений и позицией государства о запрете распространения ложной информации?

Дело в том, что выстраиванию оптимального регулирования всегда сопутствуют две соперничающие между собой тенденции: гуманизация и экономия уголовной репрессии, с одной стороны, и необходимость сдерживать распространение общественно опасных деяний, угрожающих человеку и обществу, — с другой. На принятие решений о криминализации конкретных действий и, соответственно, о введении мер наказания за них влияют экономика и социальная сфера, ситуация в которых сейчас очень динамична. Цифровизация, развитие Интернета и электронных средств коммуникации создают впечатление анонимности, а с ней приходит ощущение безнаказанности, которое позволяет не задумываться о последствиях своих действий. Но жизнь показывает, что внешне незаметные действия в Интернете могут привести к панике, беспорядкам, жертвам, параличу жизненно важной инфраструктуры.

Обратите внимание, например, на новую статью 207¹ УК — публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан. Такого вида наказания, как лишение свободы, в ее санкции нет. Есть штраф, обязательные или исправительные работы, ограничение свободы. Лишение свободы появляется лишь в статье 207² УК, в которой речь идет о наступлении таких последствий распространения заведомо ложной информации, как причинение по неосторожности вреда здоровью человека, смерти, или иных тяжких последствий. Это логично и справедливо. Если сравнить с мерами наказания, предусмотренными,

например, за нарушение правил дорожного движения, повлекшее аналогичные последствия — смерть человека, то мы увидим, что распространение заведомо ложной информации наказывается мягче: за него можно назначить штраф или исправительные работы, в то время как часть 3 ст. 264 УК таких мягких мер наказания не предусматривает.

Как часто суды применяют исправительные, обязательные и принудительные работы и в чем их отличие?

Исправительные, обязательные и принудительные работы на сегодняшний день назначаются примерно в отношении четверти всех осужденных. Как видите, их доля среди всех мер наказания значительна.

Исправительные работы — давно известная мера, можно сказать, «ветеран» среди всех наказаний. Конечно, нюансы правового режима исправительных работ корректировались, но существо оставалось прежним — обязательные отчисления от 5 до 20% заработной платы работающего осужденного в доход государства. Если осужденный не работал на момент осуждения — он трудоустраивается на место работы, определяемое совместно органами местного самоуправления и уголовно-исполнительными инспекциями.

Обязательные работы осужденному не оплачиваются совсем, т.е. это бесплатные общественно полезные работы, которые он выполняет в свое свободное от основной работы или других занятий время. Длятся они не более 4 часов в день. Например, если осужденного определили работать санитаром в больнице, он должен каждый день приходить в эту больницу по установленному графику и 4 часа работать бесплатно.

При этом исправительные работы закон считает более тяжким наказанием — они могут назначаться на срок от двух месяцев до двух лет, тогда как срок обязательных работ исчисляется в часах и составляет максимум 480 часов. В пересчете на рабочие дни это всего 120 рабочих дней, или около 4 месяцев (если работать каждый день).

Что касается принудительных работ, то они отбываются в специально созданных для этого учреждениях службы исполнения наказания — исправительных центрах, где действуют правила внутреннего распорядка. Осужденные, как правило, про-

живают в общежитиях при центрах и не имеют право покидать территорию центра без разрешения администрации. Кроме того, осужденные трудятся там, куда они направлены администрацией центра, а из их заработка производятся удержания в доход государства в тех же размерах, как и при исправительных работах.

Если обязательные и исправительные работы — это самостоятельные виды наказания, то принудительные работы всегда применяются лишь как альтернатива лишению свободы. В разделе «Принудительные работы» Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» разъяснено, что в резолютивной части приговора вначале следует указать на назначение наказания в виде лишения свободы на определенный срок, а затем — на замену лишения свободы принудительными работами.

Судам необходимо внимательно относиться к соблюдению условий такой замены. Она возможна лишь по преступлениям небольшой или средней тяжести, а по тяжким преступлениям — только при совершении их впервые. Если наказание в виде лишения свободы назначено на срок более пяти лет, оно не может быть заменено на ограничение свободы.

В Обзоре судебной практики № 4 (2018), утвержденном 26 декабря 2018 г., Верховный Суд Российской Федерации указал на невозможность назначения принудительных работ тогда, когда осужденному в силу требований закона не может быть назначено лишение свободы (например, часть 1 ст. 56 УК РФ).

При совершении осужденным нескольких преступлений суд вправе заменить лишение свободы принудительными работами за каждое из них, при соблюдении указанных условий, а затем сложить сроки принудительных работ по правилам статьи 69 УК РФ. Проценты удержаний из заработной платы при этом сложению не подлежат.

Пока практика назначения принудительных работ невелика — как я уже говорил, в прошлом году это наказание было назначено полутора тысячам осужденных. Однако с развитием в субъектах Российской Федерации сети исправительных центров применение этого вида наказания

расширится. Это правильная тенденция, которая будет способствовать, с одной стороны, сокращению числа лиц, изолированных в местах лишения свободы, а с другой стороны, обеспечению надлежащего контроля за их поведением, исправлением и возмещением причиненного ими вреда.

При этом назначение принудительных работ оставляет осужденного в некоторой неизвестности: он не знает, какой конкретный вид работы ему придется выполнять.

Но таково свойство уголовного наказания: это всегда ограничение прав граждан, в данном случае — трудовых прав, включая право на свободный выбор труда.

Можно ли назвать штраф одним из наименее строгих видов уголовного наказания?

В отличие от большинства других наказаний, штраф не затрагивает личную свободу осужденного и влечет минимальное поражение в правах и свободах, поэтому законодатель отнес его к самым мягким видам наказания.

Минимальный размер штрафа в соответствии с УК — 5000 руб. Как видите, эта сумма сравнима с множеством санкций за совершение административных правонарушений, общественная опасность которых очевидно меньше. Давать оценку штрафу исходя лишь из максимального его размера мне кажется неправильным по двум причинам. Во-первых, максимальный размер практически не назначается судами. Во-вторых, крупные штрафы, кратные сумме взятки, предусмотрены за совершение тяжких коррупционных преступлений, и это, скорее, исключение из правила.

Если вспоминать историю появления штрафа в соответствующих статьях УК, то мы поймем, что он вводился как альтернатива лишению свободы, — именно так сформулированы санкции, например, частей 2, 3 ст. 290: либо штраф, либо лишение свободы. При этом, как я уже сказал, максимальный размер штрафа обычно не назначается, и точно так же обычно не назначается максимальный срок лишения свободы. Если, например, возможный срок лишения свободы составляет от 5 до 10 лет, то суд, скорее всего, не будет назначать

10 лет, а остановится на усредненных значениях, в зависимости от смягчающих и отягчающих обстоятельств.

Возможность замены штрафа лишением свободы, предусмотренная частью 5 ст. 46 УК, выполняет прежде всего функцию общей превенции, т.е. нацелена не на автоматическую замену при первом же сбое в оплате штрафа, а на побуждение осужденного к добровольному и исполнительному исполнению присужденного ему наказания в виде штрафа.

Обратите внимание: в УК есть целая глава об освобождении от наказания, но нет ни специальных глав, ни даже статей о замене наказания на более суровое. Эти нормы, как механизм, пресекающий уклонение осужденного от его отбывания, включены в статьи, посвященные конкретным видам наказания, что вновь свидетельствует о том, что законодатель рассматривает такую возможность как крайность, исключение из общего порядка надлежащего исполнения наказания, назначенного судом. Из этого следует простой вывод: размер штрафа должен быть таким, чтобы осужденный мог выплатить его. Штраф не может быть заведомо неисполнимым. Мы уже говорили о возможностях индивидуализации наказания, в частности, при назначении наказания в виде штрафа — это право суда назначить его выплату с рассрочкой.

Иначе говоря, суд может назначить достаточно большую сумму, но по заявлению осужденного в приговоре можно назначить выплату в рассрочку.

Согласовывает ли судья размер и время рассрочки со сторонами или решает этот вопрос исходя из своего усмотрения?

Ничто не мешает сторонам обсудить этот важный вопрос в прениях. На этой стадии судебного процесса стороны непосредственно высказывают свои позиции в отношении справедливого наказания, в том числе каждая может выразить мнение о размере и порядке выплаты штрафа. Суд принимает во внимание материальное, семейное положение подсудимого, учитывает все доводы и аргументы, предлагаемые сторонами защиты и обвинения, с тем чтобы вынести не только справедливое, но и реально исполнимое виновной стороной решение.

Тогда при каких условиях происходит замена штрафа лишением свободы?

Замена штрафа на лишение свободы возможна, если речь идет о категории коррупционных дел, где фигурируют большие сроки и большие суммы, когда штраф назначается кратным размеру взятки. Но по общему правилу штраф заменяется на любое другое наказание, кроме лишения свободы. В практике даже есть примеры, когда вышестоящие суды отмечали неверную позицию судов по замене штрафа на лишение свободы, поскольку, исходя из фактических обстоятельств дела, следовало выбрать более мягкое наказание.

Здесь мы опять возвращаемся к судейскому усмотрению, поскольку судья, который не хочет допускать ошибок в работе, обязательно будет ориентироваться как на букву, так и на дух закона, учтет возможности самого осужденного. Бывают, например, ситуации, когда справедливым и оптимальным наказанием будет не штраф, а исправительные работы, потому что выплата 5% от заработка в течение полугода для осужденного будет реально исполнимым наказанием.

Некоторые санкции предусматривают штраф как дополнительное наказание, которое суд не обязан, но может назначить только при условии обязательной мотивировки такого решения. Я специально обращаю на это внимание, так как немотивированное назначение такого дополнительного наказания в виде штрафа достаточно часто встречается в практике судов. До Президиума Верховного Суда доходили подобные дела, и Президиум исключал назначение штрафа ввиду его немотивированности в приговоре суда.

Очень важно выносить решение без формализма. Мотивированный судебный акт как нельзя лучше показывает, насколько судья вовлечен в работу как профессионал и насколько высоко его умение в поисках справедливости в каждом конкретном случае выбрать то решение, которое окажет должное воздействие на подсудимого и тем самым на общество.

Именно в момент провозглашения приговора потерпевший и общество могут сопоставить обстоятельства преступления с назначенной мерой ответственности. Наказание призвано восстанавливать социальную справедливость, но только соразмерное наказание может достичь этой цели. □

Применение смягченных, усиленных и смягченно-усиленных санкций в судебной практике

Олег Кимович Зателепин
Верховный Суд Российской Федерации,
судья, доктор юридических наук,
профессор
г. Москва, Россия

Аннотация В статье рассматриваются вопросы применения судами санкций уголовно-правовых норм, пределы которых смягчаются и (или) усиливаются в результате применения нормативных положений, содержащихся в статьях 62, 65, 66 и 68 УК РФ. Автор с учетом возможных вариантов изменения пределов наиболее строгого вида наказания выделяет следующие виды санкций: основные (базовые), смягченные (льготные), усиленные, смягченно-усиленные (смешанные) и коллизионные, а также показывает особенности их применения при назначении наказания.

Ключевые слова: санкция уголовно-правовой нормы, назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств, назначение наказания при вердикте присяжных заседателей о снисхождении, назначение наказания за неоконченное преступление, назначение наказания при рецидиве преступлений

Application of softened, reinforced and mixed sanctions in judicial practice

Oleg Kimovich Zatelepina, Supreme Court of the Russian Federation, Judge, Doctor of Laws, Professor Moscow, Russia

Annotation. The article focuses on issues of the application by courts of criminal-law sanctions which are softened and/or reinforced as a result of the application of the rules enshrined in articles 62, 65, 66 and 68 of the Criminal Code of the Russian Federation. Taking into consideration possible options for modifying the most strict sanctions, the author distinguishes the following types of sanctions: main (basic), softened (preferential), reinforced, mixed (softened and reinforced at the same time) and collisional. The author also explains the particularities of their application when imposing punishment.

Keywords: criminal-law sanction, imposition of punishment where there are attenuating circumstances, imposition of punishment in case of a verdict of leniency passed by the jury, imposition of punishment for an unfinished crime, imposition of punishment in case of recidivism of crimes

Верховный Суд Российской Федерации уделяет большое внимание проблемам назначения наказания.

Вместе с тем изучение материалов судебной практики показывает, что суды всех уровней сталкиваются со значительными сложностями на этапе назначения наказания. Об этом свидетельствуют и статистические данные об отмененных и измененных судебных решениях. Так, в 2019 году в апелляционном и кассационном порядке всего отменено и изменено свыше 27 тыс. судебных решений по уголовным делам, при этом по основаниям неправильного назначения наказания и несправедливости приговора – более 16 тыс., или 61%. Если посчитать эту долю только от числа измененных приговоров (поскольку такие ошибки исправляются, как правило, без отмены приговора), то она уже составляет 86% (при этом в апелляционном порядке – 94%, в кассационном порядке – 84%). Получается, что проверочные инстанции в основном исправляют ошибки, допущенные нижестоящими судами при назначении наказания.

Проведенное в 2019 году выборочное изучение измененных судебных решений по уголовным делам показало, что основанием для этого во многих случаях являлось неправильное применение положений статей 62, 65, 66 и 68 УК РФ, несмотря на значительное количество разъяснений, содержащихся более чем в 20 пунктах постановлений Пленума Верховного Суда РФ¹, а также в опубликованных определениях Судеб-

ной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ². Такую ситуацию можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, нормативные положения, содержащиеся в указанных статьях, являются относительно новыми: они появились в УК РФ 1996 года, поэтому у судов не было возможности воспользоваться какими-либо теоретическими и практическими наработками советского периода, как это имело место в отношении других положений. Кроме того, даже сегодня, спустя почти 24 года, юридическая природа этих нормативных положений в доктрине понимается по-разному³.

Во-вторых, положения статей 62, 65 и 68 УК РФ подверглись изменениям с момента их принятия. Такая динамичность уголовного закона в определенной степени осложняет работу по формированию единообразной судебной практики по вопросам назначения наказания.

В-третьих, несмотря на внешнюю простоту нормативных положений в рассматриваемых статьях (можно сказать, что в них речь идет о юридической арифметике – долевых правилах исчисления верхних и нижних пределов наиболее строгого наказания), для практики они оказались весьма крепким орешком, поскольку на их основе,

¹ См., например: п. 33–39, 42–49, 51 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (далее – Постановление № 58) // БВС РФ. 2016. № 2; п. 24–25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // БВС РФ. 2012. № 9; п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // БВС РФ. 2011. № 4; п. 13, 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // БВС РФ. 2007. № 2.

² См., например: Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ: № 50-АПУ14-27 // БВС РФ. 2015. № 8; № 5-АПУ14-11, 78-Д14-10, 53-АПУ14-35 // БВС РФ. 2015. № 2; № 72-О12-57СП // БВС РФ. 2013. № 9; № 19-О12-19 // БВС РФ. 2012. № 12; № 58-О11-52 // БВС РФ. 2012. № 5; № 58-Д11-5 // БВС РФ. 2012. № 1; № 208-ДП11-2 // БВС РФ. 2011. № 11; № 77-Д10-1 // БВС РФ. 2010. № 11; № 56-О09-72СП // БВС РФ. 2010. № 10; № 25-Д09-35, 49-О09-116СП // БВС РФ. 2010. № 4.

³ См., например: Благов Е.В. Применение специальных начал назначения уголовного наказания. М., 2007. С. 6–33; Он же. Применение уголовного права. СПб., 2004. С. 36–63, 294–300; Воронин В.Н. Индивидуализация наказания. М., 2017. С. 35–37, 74–90; Густова Э.В. Теоретические основы построения санкций в уголовном праве Российской Федерации. М., 2017. С. 7–34; Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм. М., 2015. С. 199–230; Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2002. С. 277–286; Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 203, 241–247.

по нашим подсчетам, можно сформулировать свыше 35 правил (без учета особенностей применения статей 62, 65, 66 и 68 УК РФ в отношении несовершеннолетних).

На основании изложенного представляется необходимым, с одной стороны, обобщить выработанные правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ по вопросам применения статей 62, 65, 66 и 68 УК РФ, а с другой стороны, объяснить, что лежит в их основе.

В первую очередь следует обратить внимание на некоторые особенности нормативных положений статей 62, 65, 66 и 68 УК РФ, имеющие значение для формирования судебной практики.

Несмотря на нахождение этих статей в главе 10 УК РФ, посвященной на-

В связи с тем, что применение статей 62, 65, 66 и 68 УК РФ приводит к изменению верхних и (или) нижних пределов санкции уголовно-правовой нормы, можно условно говорить и об образовании в этих случаях новых санкций. Такая постановка вопроса представляется допустимой с учетом того, что к существенным признакам санкции уголовно-правовой нормы относятся определение пределов наказуемости (нижних и верхних), установление рамок судейского усмотрения, обозначение границ учета обстоятельств дела при назначении наказания. Поскольку применение положений статей 62, 65, 66 и 68 УК РФ изменяет указанные пределы (рамки, границы), постольку можно говорить, что измененные санкции – это фактически новые санкции. При этом надо иметь в виду, что эти новые санкции устанавливаются не судом, а законодателем, и задача суда заключается, по существу, в том, чтобы вычислить эти в определенном смысле скрытые санкции путем применения долевых правил, содержащихся в названных статьях.

Таким образом, с учетом различных вариантов изменения пределов наиболее строгого вида основного наказания, происходящего в результате применения статей 62, 65, 66 и 68 УК РФ, предлагается выделять следующие виды санкций уголовно-правовых норм. Сразу отметим, что применение каждого из этих видов имеет свои особенности, на которые будет обращено внимание далее, и что данная классификация имеет не только теоретическое, но и практическое значение. В частности, анализируемые особенности видов санкций легли в основу правовых позиций Верховного Суда РФ по применению рассматриваемых статей (напомним: такие позиции содержатся в общей сложности более чем в 20 пунктах разных постановлений Пленума).

1. Основные (базовые) санкции – это санкции, предусмотренные статьями Особенной части УК РФ. Например, санкция в части 1 ст. 162 УК РФ (с учетом положений части 2 ст. 56 УК РФ) предусматривает лишение свободы в качестве наиболее строгого вида наказания на срок от 2 месяцев до 8 лет.

К существенным признакам санкции уголовно-правовой нормы относятся определение пределов наказуемости (нижних и верхних), установление рамок судейского усмотрения, обозначение границ учета обстоятельств дела при назначении наказания

значению наказания, их применение фактически предшествует этапу назначения наказания, поскольку изменяет пределы санкций уголовно-правовых норм, а значит, выполняет функцию дифференциации, но не индивидуализации наказания. На практике это означает, что суд вначале должен определить новые пределы санкции уголовно-правовой нормы, а затем приступить к индивидуализации наказания в этих границах.

Автор придерживается позиции, что санкция уголовно-правовой нормы не совпадает с санкцией статьи Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за конкретное преступление, поскольку, как будет показано далее, применение положений статей 62, 65 и 66 УК РФ в ряде случаев приводит к тому, что новые пределы наиболее строгого наказания вообще оказываются за рамками санкции статьи Особенной части УК РФ.

Следует иметь в виду, что пределы основной санкции влияют на решение целого ряда юридически важных вопросов. Так, при определении категории того или иного преступления на основе положений статьи 15 УК РФ необходимо ориентироваться именно на основные санкции, несмотря на то что в случае применения к этим санкциям положений статей 62, 65 и 66 УК РФ их верхний предел снижается и может оказаться в другой категории: например, санкция части 2 ст. 162 УК РФ в случае применения части 2 ст. 66 УК РФ предусматривает лишение свободы от 2 месяцев до 5 лет ($1/2$ от 10 лет), однако само преступление не переходит автоматически в категорию средней тяжести⁴, а остается тяжким, исходя из базовой санкции (лишение свободы от 2 месяцев до 10 лет).

2. Смягченные (льготные) санкции,

в которых пределы наиболее строгого наказания устанавливаются с учетом нормативных положений статей 62, 65 и 66 УК РФ, являющихся по своей правовой природе льготными. Несмотря на то, что в самих этих статьях законодатель определяет правила изменения только верхних пределов наиболее строгого наказания, их применение в ряде случаев приводит к изменению и нижних границ наиболее строгого наказания.

Нормативные положения указанных статей могут применяться по отдельности (например, только часть 1 ст. 62 УК РФ) или одновременно (в частности, часть 1 ст. 62, часть 5 ст. 62, часть 2 ст. 66 УК РФ). При этом сочетание смягчающих правил может быть различным.

В общей сложности можно говорить о более чем 20 вариантах смягчения основной (базовой) санкции. Так, смягченные санкции образуются в результате применения следующих нормативных положений (в скобках указана формула вычисления верхнего предела новой санкции в виде доли (долей) максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания основной санкции):

- 1) часть 1 ст. 62 УК РФ (не более $2/3$);
- 2) часть 2 ст. 62 (не более $1/2$);
- 3) часть 4 ст. 62 (не более $2/3$);
- 4) часть 5 ст. 62 (не более $2/3$);
- 5) часть 5 ст. 62 (не более $1/2$);
- 6) часть 1 ст. 65 (не более $2/3$);
- 7) часть 2 ст. 66 (не более $1/2$);
- 8) часть 3 ст. 66 (не более $3/4$);
- 9) часть 2 ст. 66, часть 1 ст. 62 (не более $2/3$ от $1/2$);
- 10) часть 3 ст. 66, часть 1 ст. 62 (не более $2/3$ от $3/4$);
- 11) часть 2 ст. 66, часть 2 ст. 62 (не более $1/2$ от $1/2$);
- 12) часть 3 ст. 66, часть 2 ст. 62 (не более $1/2$ от $3/4$);
- 13) часть 2 ст. 66, часть 5 ст. 62 (не более $2/3$ от $1/2$);
- 14) часть 1 ст. 62, часть 5 ст. 62 (не более $2/3$ от $2/3$);
- 15) часть 1 ст. 62, часть 5 ст. 62 (не более $2/3$ от $1/2$);
- 16) часть 3 ст. 66, часть 5 ст. 62 (не более $2/3$ от $3/4$);
- 17) часть 2 ст. 66, часть 5 ст. 62 (не более $1/2$ от $1/2$);
- 18) часть 3 ст. 66, часть 5 ст. 62 (не более $1/2$ от $3/4$);
- 19) часть 2 ст. 66, часть 1 ст. 65 (не более $2/3$ от $1/2$);
- 20) часть 3 ст. 66, часть 1 ст. 65 (не более $2/3$ от $3/4$);
- 21) часть 2 ст. 66, часть 5 ст. 62, часть 1 ст. 62 (не более $2/3$ от $2/3$ от $1/2$);
- 22) часть 2 ст. 66, часть 5 ст. 62, часть 1 ст. 62 (не более $2/3$ от $1/2$ от $1/2$);
- 23) часть 3 ст. 66, часть 5 ст. 62, часть 1 ст. 62 (не более $2/3$ от $2/3$ от $3/4$);
- 24) часть 3 ст. 66, часть 5 ст. 62, часть 1 ст. 62 (не более $2/3$ от $1/2$ от $3/4$).

С учетом того, что применение указанных статей как в отдельности, так и одновременно ведет к различным вариантам смягчения основных (базовых) санкций, можно выделить следующие подвиды смягченных санкций.

2.1. Простые смягченные санкции. Это санкции со смягченным только верхним пределом наиболее строгого наказания, нижний же предел совпадает с основной санкцией. Такие смягченные санкции находятся в границах (внутри) основных санкций. Например, в результате применения положений части 1 ст. 62 УК РФ к основной санкции части 1 ст. 162 УК РФ мы получаем санкцию, в которой пределы наиболее строгого вида наказания в виде лишения свободы уже составляют от 2 месяцев (нижний предел) до 5 лет 4 месяцев (верхний предел).

Содержащееся в пункте 36 Постановления № 58 разъяснение о том, что если наряду с обстоятельствами, указанными в части 1 ст. 62 УК РФ, суд установит наличие других смягчающих обстоятельств, то наказание должно назначаться с учетом всех смягчающих об-

⁴ В принципе, изменение категории преступления возможно, если суд при наличии на то оснований решит применить положения части 6 ст. 15 УК РФ.

стоятельств (в первую очередь касается именно простых смягченных санкций).

До формулирования указанной правовой позиции суды в этих случаях, как правило, назначали наказание ровно $\frac{2}{3}$ от максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания основной санкции. Так, в нашем примере (применение части 1 ст. 62 УК РФ к основной санкции части 1 ст. 162) очень часто наказание в виде лишения свободы назначалось сроком 5 лет 4 месяца, притом что суды в качестве смягчающих обстоятельств признавали не только, скажем, явку с повинной, но и другие обстоятельства. При назначении наказания суды исходили из того, что верхний предел применяемой ими санкции составляет 8 лет лишения свободы, и завершали процесс назначения наказания реализацией правила смягчения, предусмотренного частью 1 ст. 62 УК РФ. Иначе говоря, границей, внутри которой осуществлялась индивидуализация наказания, был срок лишения свободы от 5 лет 4 месяцев до 8 лет. В этих пределах, в частности, учитывались характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

Однако такой подход фактически игнорировал особенности образуемых в результате применения льготных правил санкций, главная из которых заключается в том, что верхний предел смягченных санкций не совпадает с верхним пределом основных санкций — он всегда менее строгий, — тем самым изменяются и границы индивидуализации наказания, учет которых имеет большое значение для правильного назначения наказания. В нашем примере наказание в виде лишения свободы суду следует назначать в пределах от 2 месяцев до 5 лет 4 месяцев.

2.2. Пограничные смягченные санкции. Это санкции со смягченными верхними и нижними пределами наиболее строгого наказания основной санкции, в которых верхний предел совпадает с нижним пределом основной санкции, а нижний предел равен минимальному сроку или размеру, установленному в Общей части УК РФ для наиболее

строгого наказания. Например, в результате применения положений части 2 ст. 66 УК РФ к основной санкции части 4 ст. 228¹ УК РФ мы получаем санкцию, в которой пределы наиболее строгого вида наказания в виде лишения свободы составляют от 2 месяцев до 10 лет. В данном случае верхний предел лишения свободы совпадает с нижним пределом основной санкции, а нижний предел уходит за рамки основной санкции и составляет минимальный размер лишения свободы. Как видно, в этих случаях смягченная санкция пересекается с основной санкцией на линии (границе) 10 лет лишения свободы.

О пограничных смягченных санкциях речь идет в абзаце третьем п. 34 Постановления № 58.

В ходе работы над проектом Постановления дискутировался вопрос о том, что (применительно к нашему примеру) 10 лет лишения свободы следует считать одновременно и верхним, и нижним пределом, а назначить наказание ниже 10 лет можно только при наличии оснований, предусмотренных статьей 64 УК РФ. Однако такой подход не позволял бы суду индивидуализировать наказание, учитывать смягчающие обстоятельства, личность виновного и т.д. Кроме того, и это самое главное, он отрицал, что в этих случаях наказание надо назначать в границах не основной, а уже льготной санкции, обладающей иными верхними и нижними пределами.

2.3. Исключительные смягченные санкции. Это санкции со смягченными верхними и нижними пределами наиболее строгого наказания основной санкции, находящимися за рамками основной санкции. Если, например, применить положения части 2 ст. 62 УК РФ к основной санкции части 3 ст. 162 УК РФ, то пределы новой санкции составят от 2 месяцев до 6 лет лишения свободы. В данном случае льготная санкция не пересекается с основной санкцией (от 7 до 12 лет лишения свободы) и находится за ее нижними пределами.

О такой разновидности санкции говорится в абзаце втором п. 34 Постановления № 58.

3. Усиленные санкции, в которых усиливается нижний предел наиболее строгого наказания с учетом нормативных положений части 2 ст. 68 УК РФ.

Личность виновного
Явка с повинной
Фактические обстоятельства

К примеру, в случае применения указанных положений к основной санкции в части 1 ст. 162 УК РФ новая санкция будет находиться в пределах от 2 лет 8 месяцев до 8 лет лишения свободы, т.е. нижний предел увеличивается на 2 года 6 месяцев по сравнению с нижним пределом основной санкции (2 месяца лишения свободы).

Применение части 2 ст. 68 УК РФ не всегда приводит к увеличению нижнего предела наиболее строгого наказания санкции. Такого увеличения не произойдет, если $\frac{1}{3}$ максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, составляет менее минимального размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за конкретное преступление. В этих случаях наказание не может быть ниже нижнего предела санкции соответствующей статьи. Например, за преступление, предусмотренное частью 3 ст. 161 УК РФ, с учетом положений части 2 ст. 68, не может быть назначено менее 6 лет лишения свободы — ниже предела этого вида наказания за данное преступление, хотя $\frac{1}{3}$ от максимального наказания за это преступление составляет 4 года.

Наказание назначается в пределах основной санкции уголовно-правовой нормы, при этом виновному должен быть назначен по общему правилу наиболее строгий вид наказания из числа предусмотренных санкцией. Получается, что даже и в этих случаях применение части 2 ст. 68 УК РФ приводит к своеобразному усилению основной санкции, если последняя является альтернативной.

Особенности таких санкций учитывались при формулировании правовых позиций в абзаце первом п. 48 Постановления № 58.

4. Смягченно-усиленные (смешанные) санкции, в которых верхние пределы наиболее строгого наказания основной санкции устанавливаются с учетом нормативных положений статей 62, 65 и 66 УК РФ, а нижние пределы — с учетом нормативных положений части 2 ст. 68 УК РФ.

В таких санкциях следует учитывать особенности установления нижнего предела. В частности, необходимо исчислять $\frac{1}{3}$, предусмотренную частью 2

ст. 68: за оконченное преступление — от максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление основной санкцией (без учета применения статей 62 и 65 УК РФ); за неоконченное преступление — от максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, который может быть назначен с учетом положений статьи 66 УК РФ⁵.

Смешанные санкции образуются в случаях применения следующих положений (в скобках указаны доли максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания в целях определения его верхних и нижних пределов):

- 1) часть 4 ст. 62, часть 2 ст. 68 УК РФ (не более $\frac{2}{3}$ и не менее $\frac{1}{3}$);
- 2) часть 5 ст. 62, часть 2 ст. 68 (не более $\frac{1}{2}$ и не менее $\frac{1}{3}$);
- 3) часть 5 ст. 62, часть 2 ст. 68 (не более $\frac{2}{3}$ и не менее $\frac{1}{3}$);
- 4) часть 2 ст. 66, часть 2 ст. 68 (не более $\frac{1}{2}$ и не менее $\frac{1}{3}$);
- 5) часть 3 ст. 66, часть 2 ст. 68 (не более $\frac{3}{4}$ и не менее $\frac{1}{3}$);
- 6) часть 2 ст. 66, часть 5 ст. 62, часть 2 ст. 68 (не более $\frac{2}{3}$ от $\frac{1}{2}$ и не менее $\frac{1}{3}$);
- 7) часть 2 ст. 66, часть 5 ст. 62, часть 2 ст. 68 (не более $\frac{1}{2}$ от $\frac{1}{2}$ и не менее $\frac{1}{3}$);
- 8) часть 3 ст. 66, часть 5 ст. 62, часть 2 ст. 68 (не более $\frac{2}{3}$ от $\frac{3}{4}$ и не менее $\frac{1}{3}$);
- 9) часть 3 ст. 66, часть 5 ст. 62, часть 2 ст. 68 (не более $\frac{1}{2}$ от $\frac{3}{4}$ и не менее $\frac{1}{3}$).

Смешанные санкции могут находиться в пределах основных санкций, пересекаться с ними или выходить за их нижние пределы. С учетом особенностей правил смягчения санкций, по нашим подсчетам, можно выделить несколько вариантов смешанных санкций.

4.1. *Простые смягченно-усиленные (смешанные) санкции.* Это санкции,

⁵ Применительно к случаям рассмотрения уголовных дел в особом порядке, предусмотренном главой 40 или 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921), такие же правила сформулированы в п. 49 Постановления № 58.

в которых смягчены верхние и усилены нижние пределы наиболее строгого наказания основной санкции, при этом новые пределы находятся в рамках основной санкции. Например, в результате применения к основной санкции части 1 ст. 162 УК РФ нормативных положений части 2 ст. 66 и части 2 ст. 68 УК РФ пределы смешанной санкции будут от 1 года 4 месяцев до 4 лет лишения свободы.

4.2. *Пограничные смягченно-усиленные (смешанные) санкции.* Это санкции со смягченным верхним пределом наиболее строгого наказания основной

Верхний предел наказания, которое может быть назначено осужденному в результате применения льготных норм, является для лица максимальным размером, с учетом которого необходимо применять и другие правила назначения наказания, установленные законом

санкции, который совпадает с нижним пределом основной санкции и с учетом которого устанавливается нижний («рецидивный») предел новой санкции.

Например, при назначении наказания по части 1 ст. 30, части 4 ст. 228¹ УК РФ при наличии рецидива преступлений необходимо, с учетом положений части 2 ст. 66 и части 2 ст. 68 УК РФ, исходить из санкции, в которой лишение свободы предусмотрено на срок от 3 лет 4 месяцев (с учетом правила об $\frac{1}{3}$ при рецидиве преступлений, которое применяется к новому верхнему пределу) до 10 лет (с учетом правила об $\frac{1}{2}$ за приготовление к преступлению). Как видно, верхний предел такой санкции граничит с нижним пределом основной санкции, т.е. они в этих пределах пересекаются.

4.3. *Исключительные смягченно-усиленные (смешанные) санкции.* Это санкции со смягченным верхним пределом наиболее строгого наказания основной санкции, в которых этот предел находится за рамками основной санкции и с учетом которого устанавливается нижний («рецидивный») предел новой

санкции. Исключительные смешанные санкции всегда находятся за рамками основной санкции.

Так, при назначении наказания по части 1 ст. 30, части 2 ст. 229 УК РФ при наличии рецидива преступлений необходимо, с учетом положений части 2 ст. 66 и части 2 ст. 68 УК РФ, исходить из санкции, в которой лишение свободы предусмотрено на срок от 1 года 8 месяцев (с учетом правила об $\frac{1}{3}$ при рецидиве преступлений, которое применяется к новому верхнему пределу) до 5 лет (с учетом правила об $\frac{1}{2}$ за приготовление к преступлению).

В абзаце втором п. 48 Постановления № 58 речь идет фактически о двух последних разновидностях смешанных санкций.

5. Коллизионные санкции, образующиеся в результате конкуренции смягчающих и усиливающих правил, в которой предпочтение отдается первым. Такие ситуации возникают в случаях, когда смягченные верхние пределы наиболее строгого наказания основной санкции оказываются за ее рамками, однако с учетом положений части 2 ст. 68 УК РФ наказание нельзя назначить ниже нижних пределов основной санкции.

Например, в случае применения к основной санкции части 1 ст. 223 УК РФ (лишение свободы на срок от 3 до 5 лет) положений части 5 ст. 62 УК РФ об $\frac{1}{2}$ максимального срока или размера наиболее строгого наказания (в случае производства дознания в сокращенной форме) верхний предел лишения свободы составляет 2 года 6 месяцев, но с учетом положений части 2 ст. 68 УК РФ наказание должно назначаться в пределах санкции, т.е. оно не может быть ниже 3 лет лишения свободы.

В этом случае правила, смягчающие и усиливающие основное наказание, конкурируют между собой, и по общему коллизионному правилу предпочтение должно быть отдано нормативным положениям, улучшающим положение лица.

В нашем примере такое положение предусмотрено частью 5 ст. 62 УК РФ. В результате его применения к основной санкции части 1 ст. 223 УК РФ образуется санкция с иными пределами по сравнению с основной санкцией,

а именно лишение свободы от 2 месяцев до 2 лет 6 месяцев.

Поскольку в этих случаях мы фактически отказываемся от применения правил, усиливающих наказание, то, по мнению автора, нижний предел коллизионной санкции не должен устанавливаться с учетом положений части 2 ст. 68 УК РФ.

Необходимо также обратить внимание на то, что в случае применения к основным санкциям положений статьи 66 и части 2 ст. 68 УК РФ конкуренции между ними не возникает. В этих ситуациях необходимо исчислять предусмотренную частью 2 ст. 68 УК РФ $\frac{1}{3}$ от максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, который может быть назначен с учетом положений статьи 66 УК РФ.

В целях правильного применения рассмотренных выше смягченных, смешанных и коллизионных видов санкций уголовно-правовых норм судам нужно также принимать во внимание разъяснения, содержащиеся в абзаце четвертом п. 34 Постановления № 58, в котором указано, что верхний предел наказания, которое может быть назначено осужденному в результате применения льготных норм, является для лица максимальным размером, с учетом которого необходимо применять и другие правила назначения наказания, установленные законом.

Как было отмечено выше, на практике это означает, что суды должны прежде всего установить пределы новых санкций, образуемых в результате применения правил статей 62, 65, 66 и 68 УК РФ, и только затем приступить непосредственно к назначению наказания — уже в пределах новых санкций. В новых пределах необходимо назначать наказание с учетом характера и степени общественной опасности преступления, личности виновного, обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, а также влияния назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

Представляется, что в этих случаях как при отсутствии смягчающих обстоятельств, так и при наличии отягчающих обстоятельств назначаемое наказание может быть меньше верхнего предела

новых санкций, являющегося в них максимальным размером.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в пункте 35 Постановления № 58, суд обязан мотивировать применение норм, ограничивающих срок или размер наказания определенной частью наиболее строгого вида наказания, в описательно-мотивировочной части приговора.

Необходимость мотивировать в приговоре применение статей 62, 65, 66 и 68 УК РФ обусловлена тем, что содержащиеся в них правила приводят, как отмечалось, к фактическому образованию новых санкций с иными пределами по сравнению с основной (базовой) санкцией.

Возьмем, например, общую санкцию, пределы которой составляют от 2 месяцев до 4 лет лишения свободы. Если применить к ней часть 1 ст. 62 УК (правило о явке с повинной), мы получим льготную санкцию в размере от 2 месяцев до 2 лет 8 месяцев лишения свободы, в пределах которой необходимо назначать наказание.

Если суд в приговоре не укажет на применение льготных правил, то это будет фактически означать, что он назначал наказание, исходя из основной (в нашем примере — от 2 месяцев до 4 лет лишения свободы), а не льготной санкции, даже если наказание назначено в пределах новой льготной санкции.

Таким образом, ссылка в описательно-мотивировочной части приговора на статьи 62, 65, 66 и 68 УК РФ свидетельствует о том, что суд назначает наказание, индивидуализирует его в пределах санкций уголовно-правовых норм, образуемых с учетом указанных статей.

В заключение следует отметить, что рассмотренные в данной публикации вопросы не исчерпывают всю проблематику применения санкций уголовно-правовых норм, но затрагивают те аспекты назначения наказания, которые вызывают серьезные трудности у судов, несмотря на достаточно высокий уровень их «разъясненности» высшим судом. Предпринятая автором попытка рассказать о том, что лежит в основе соответствующих разъяснений, должна помочь судьям лучше понять их суть и правильно назначать наказание.

пределнаказания
льготные нормы
рецидив преступлений

Современные особенности реализации норм об освобождении от уголовной ответственности и наказания

Анатолий Анатольевич Толкаченко

Научный центр исследования проблем правосудия
Российского государственного университета
правосудия,
главный научный сотрудник,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
заместитель Председателя Верховного Суда
Российской Федерации в отставке
г. Москва, Россия

Аннотация. В статье анализируются актуальные вопросы практики освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела; исследуется влияние процессуальных факторов на реализацию материально-правовых норм; демонстрируются возможности повышения качества применения закона на досудебных и судебных стадиях за счет межотраслевых подходов; обосновываются предложения нормотворческого, правоприменительного и доктринального характера для решения поставленных проблем.

Ключевые слова: правосудие, освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела

Modern particularities of realisation of rules on exemption from criminal responsibility and punishment

Anatoliy Anatolievich Tolkachenko, Scientific Centre for Research into problems of Justice at the Russian State University of Justice, Senior Research Officer, Doctor of Laws, Professor, Lawyer emeritus of the Russian Federation, Deputy President of the Supreme Court of the Russian Federation, retired, Moscow, Russia

Annotation. The article analyses current issues of practice in the area of exemption from criminal responsibility and discontinuation of criminal proceedings, studies the impact that procedural factors have on realization of substantive rules, explains the possibilities to improve the quality of application of law at pre-trial and trial stages using interdisciplinary approaches; justifies suggestions of law-making, law-application and doctrinal nature for the purpose of solving the problems in issue.

Keywords: justice, exemption from criminal responsibility, discontinuation of criminal proceedings

Одним из направлений современной уголовной политики является расширение оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания, снижение за счет этого не только показателей уголовной репрессии (наказуемость, судимость, рецидив), но и служебной судебной нагрузки по уголовным делам¹.

Объем постановлений и Обзоров Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ)², правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ), касающихся освобождения от ответственности, соизмерим с количеством материалов по вопросам практики назначения наказаний. На рассмотрении находится ряд законопроектов в части освобождения от ответственности, в том числе содержащих положения об уголовном проступке, расширении судебного штрафа и иных мерах уголовно-правового характера³, увеличении количества стадий прекращения дела в порядке статьи 28¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁴ (далее – УПК РФ)

(ст. 76¹ Уголовного кодекса Российской Федерации⁵ (далее – УК РФ))⁶.

При этом уголовные дела прекращаются в досудебных стадиях судопроизводства крайне редко – в 1,5–4,5% случаев, а судебные вариативные возможности освобождения от ответственности не могут расширяться бесконечно и близки к исчерпанию⁷. Между тем в предмет доказывания по любому делу входят обстоятельства, исключаяющие преступность и наказуемость деяния, а также те, которые могут повлечь освобождение от ответственности и наказания (ст. 73 УПК РФ).

Все это свидетельствует о том, что освобождение от уголовной ответственности является довольно противоречивым, а также социально значимым институтом. С учетом изложенного, с опорой на личный следственно-прокурорский, научно-педагогический и судейский опыт, проанализируем некоторые его проблемные положения.

Правильному и эффективному применению рассматриваемого института, в том числе в досудебных стадиях, способствует подход к освобождению от ответственности как к оценочному (квалификационному) решению, основанному на общих и специальных материально-правовых и процессуальных

¹ Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации. URL: <http://www.oprf.ru/press/news/2012/newsitem/17888>; Головкин Л.В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплека // Закон. 2018. № 1. С. 127–136.

² См., например: Постановления Пленума ВС РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (Бюллетень ВС РФ. 2013. № 8); от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» (Бюллетень ВС РФ. 2017. № 1).

³ Постановление Пленума ВС РФ от 31 октября 2017 г. № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка». URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/24308/>. Анализ проекта см.: Толкаченко А.А. К обсуждению проекта Федерального закона в связи с введением понятия уголовного проступка, или Чем может помочь постановление Пленума ВС РФ от 31.10.2017 № 42 практике применения судебного штрафа // Закон. 2018. № 1. С. 137–150.

⁴ СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

⁵ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁶ Постановление Пленума ВС РФ от 10 декабря 2019 г. № 55 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменения в статью 28¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://www.vsrfr.ru/files/28584/>

⁷ В связи с этим интересно заметить, что в УК РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591) посягательства, за которые были предусмотрены возможности освобождения от уголовной ответственности, именовались «деяния, не представляющие большой общественной опасности», а количество прекращенных уголовных дел на досудебных стадиях составляло порядка 20%. Этот показатель оставался стабильным вплоть до принятия УПК РФ 2001 года. При этом в меньшем по объему УК РСФСР криминализированных деяний и оснований освобождения было в 2 раза меньше, чем в УК РФ, а в период действия УК и УПК РФ в структуре регистрируемой преступности и судимости принципиальных изменений не произошло.

уголовная политика

судебная нагрузка

освобождение от ответственности

правилах⁸. Такие правила содержатся в различных источниках — нормах УК и УПК РФ, позициях высших судов, в теории, в практике, в историческом опыте — и являются правовой реальностью. Их обобщение, систематизация и применение представляют перспективное научно-практическое направление, которое реализуется, в частности, в Российском государственном университете правосудия⁹.

Несмотря на актуальность и ясность поставленных задач, работа в названном комплексном направлении осложняется рядом факторов, а именно:

— необходимостью межотраслевого (не только правового, но и социально-политического) исследования проблемы (при доминировании узкодисциплинарных подходов и искусственном

количества возбужденных дел могло бы способствовать экономии государственных расходов)¹⁰;

— издержками статистической отчетности дознания и следствия, результативность которых определяется преимущественно искаженными представлениями о количестве дел, направленных в суд (желательно — дел многотомных, для выплаты надбавок за сложность и напряженность расследования);

— наличием многолетних системных, содержательных и терминологических дефектов процессуальных норм, их дуализмом и архаичностью, внесением в них фрагментарных и хаотичных корректировок многочисленными субъектами законодательной инициативы преимущественно в интересах стороны обвинения. Очевидно, нестабильность, противоречивость, коллизийность, пробельность и неопределенность законодательства не способствуют единообразию и стабильности практики, а также размывают доктрину, которая в правотворчестве нередко игнорируется¹¹. При таких обстоятельствах главным генератором доктринальных позиций в сфере уголовной юстиции становится КС РФ, решения которого обжалованию не подлежат¹².

Уголовное законодательство в части освобождения от ответственности реализуется только в определенных формах производства. Для каждой из них предусмотрен свой процессуальный порядок, хотя все процедуры и завершаются итоговым решением в виде постановления органов расследования, суда о прекращении дела в целом или в части.

В свою очередь, УПК РФ (ст. 24–28¹³) призван регулировать не основания (в смысле — условия) освобождения от

Для того чтобы освободить лицо от уголовной ответственности за конкретное деяние, такое деяние необходимо сначала оценить, а ответственность — применить

разрыве в классификации научных специальностей единой сферы уголовной юстиции);

— несовпадающими позициями сторон процесса и даже участников процесса с одной стороны обвинения (потерпевшего, органов дознания и следствия различных ведомств, прокурора);

— такими же несовпадающими взглядами и интересами представителей различной ведомственной науки;

— не вытекающими из закона ведомственными установками относительно того, что прекращение уголовного дела на досудебной стадии фактически свидетельствует о незаконности его возбуждения (притом что уменьшение

⁸ Об этом см.: Толкаченко А.А. Освобождение от уголовной ответственности. Как оценивать нормы и выбирать основания // Уголовный процесс. 2019. № 3. С. 86–93.

⁹ См.: Пудовочкин Ю.Е., Толкаченко А.А. Основные направления межотраслевого совершенствования института освобождения от уголовной ответственности // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 59–76.

¹⁰ Такие установки после введения в действие УПК РФ содержались в руководящих разъяснениях Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

¹¹ Известное изречение гласит: наука начинается там, где она умеет говорить «нет» законодателю.

¹² См. об этом: Информация «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда РФ 2013–2015 гг.)» (одобрена решением КС РФ от 23 июня 2016 г.) // Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс».

ответственности, а порядок применения «ссылающихся уголовно-правовых норм. Несмотря на это, процессуальный закон нередко использует тот же термин «основание». Статья 24 УПК РФ, к примеру, называет в качестве оснований прекращения уголовного дела материально-правовые и процессуальные обстоятельства освобождения от ответственности.

В целом нельзя не обратить внимание на неунифицированность терминологии УПК РФ: в Кодексе говорится об «основаниях» (ст. 24, 27, ч. 3 ст. 427), «порядке» (ст. 25¹), «условиях» (ст. 76¹), «случаях» (ст. 25, 25¹, 28, 28¹, 239) прекращения дела. В статье 28¹ УПК РФ содержатся, по сути, дополнительные к статье 76¹ УК РФ основания освобождения от ответственности в связи с возмещением ущерба, которые дублируют и вступают в коллизию с первичными материально-правовыми нормами, которые и без того нуждаются в большей взаимосвязанности (ст. 76¹, примечания к ст. 198, 199, 199¹, 199², 199³, 199⁴ УК РФ). Это излишнее усложнение приводит к незначительному количеству прекращенных дел по указанным основаниям, несмотря на корректирующие законодательные поправки и разъяснения Пленума ВС РФ.

Подобная неунифицированность и рассогласованность терминологии УК и УПК РФ, а также вторжение процессуальных норм в предмет уголовно-правового регулирования являются известной проблемой¹³. Специалисты справедливо критикуют неопределенность понятия судебной реформы и влияние этой неопределенности на развитие современного уголовного судопроизводства, которое в целом является малоэффективным. В то же время в уголовном судопроизводстве сохраняются реальные институциональные проблемы, которые требуют решения¹⁴. Поэтому ожидать в ближайшее время рутинной, но необхо-

димой законодательной работы, в том числе создания новых УК, УПК РФ, не приходится.

Впрочем, практика научилась корректировать издержки законотворческого процесса. В частности, термин «основание», применяемый в статьях УПК РФ, предлагается толковать как процессуальный порядок реализации материально-правовых норм об освобождении от ответственности путем прекращения уголовного дела.

Также нуждаются в большей взаимосвязанности и практичности разноотраслевые и относительные классификации оснований освобождения от ответственности (безусловные и условные, общие и специальные) и, соответственно, оснований прекращения дела (нереабилитирующие и реабилитирующие, досудебные, межстадийные, судебные и т.п.). Основания освобождения от уголовной ответственности называют и видами освобождения. Им свойственна однопорядковость, означающая, что ни одно из них не имеет заранее установленной силы перед другими материально-правовыми нереабилитирующими основаниями. Выбор этих оснований является прерогативой правоприменителя, который тем не менее обязан проверить соблюдение определенных в УК РФ условий и применить то из оснований, против которого обвиняемый (подсудимый) не возражает.

Для того чтобы освободить лицо от уголовной ответственности за конкретное деяние, такое деяние необходимо сначала оценить, а ответственность — применить (законно, обоснованно, мотивированно), а это — самостоятельная, хотя и связанная с освобождением от ответственности, задача (подозрение в совершении преступления, уголовное преследование)¹⁵. Вряд ли законодатель, формулируя такое предписание, задумывался о том, что от уголовной ответственности можно освободить и подозреваемого, или о том, как суд может прекратить уголовное преследование, если сам он его не осуществляет (ст. 5, 20–23, 27, 236, 239, 254 и др. УПК РФ).

¹³ Об этом см.: Бриллиантов А.В. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки // Российское правосудие. 2019. № 10. С. 68–73; Коршунов А., Забавко Р. О существующих противоречиях УК и УПК // Законность. 2016. № 1. С. 52–56.

¹⁴ См.: Головки Л.В. Уголовное судопроизводство в условиях перманентной судебной реформы // Закон. 2019. № 4. С. 67–82.

¹⁵ Об этом см., к примеру: Толкаченко А.А. Взаимосвязь уголовно-правовых и процессуальных аспектов правильной квалификации // Мировой судья. 2019. № 12. С. 15–25.

К сожалению, в законодательстве часто встречаются нормы, которые не могут быть реализованы в реальности и которые поэтому не воспринимаются практикой (так, на протяжении 10 лет в законе отсутствовало определение органа, исполняющего меру пресечения в виде домашнего ареста).

Универсальность условий применения большинства видов освобождения от ответственности не означает их прямой корреляции с процессуальными порядками прекращения дела: реализация ряда оснований возможна одним субъектом в единообразной (унифицированной) процедуре. Однако в юридической доктрине возросшая множественность процессуальных форм освобождения от ответственности и, следовательно, прекращения уголовного дела непосредственно не рассматривается.

Кроме того, в УПК РФ установлены самостоятельные процессуальные условия освобождения от ответственности, а также ее исключения. В этом смысле они действительно выступают основаниями, аналогов которым в УК РФ нет, но которые также способны внести не только терминологическую, но и содержательную путаницу — например, в части отличающегося как по правовой природе, так и по юридическим последствиям примирения сторон по различным категориям дел (ч. 2, 3 ст. 20, ст. 23 УПК РФ и ст. 76 УК РФ).

Реабилитирующими процессуальными основаниями исключения ответственности, подобно отсутствию состава преступления, являются: непричастность обвиняемого к совершению преступления (а это — нормативно неопределенная категория), отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления в действиях лиц, обладающих процессуальным иммунитетом (в этом плане вызывает сомнение соответствие п. 1, 6 ч. 1 ст. 27, ч. 2 ст. 133 УПК РФ конституционному принципу равенства всех перед законом и судом), полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения, что также требует повышенного внимания, мотивировки и вынесения постановления, а не оправдательного приговора¹⁶.

¹⁶ См.: п. 14, 15 Постановления Пленума ВС РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень ВС РФ. 2017. № 1.

(Последняя позиция, впрочем, разделяется не всеми и нуждается как минимум в дополнительной аргументации. Почему не должно быть оправдания, если обвинение обосновывает перед судом свой отказ от уголовного преследования? Ведь тогда и количества оправданий (пусть не полных, а частичных) было бы статистически в разы больше.)

При этом не является реабилитирующим основанием положение пункта 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ об освобождении от уголовной ответственности ввиду смерти обвиняемого. Даже если производство по делу необходимо для реабилитации умершего, оно заканчивается постановлением суда (не приговором в отношении умершего), в котором содержатся установленные оценки и основания прекращения дела.

Также не является реабилитирующим основанием прекращение дела судом при применении принудительных мер медицинского характера. Хотя статья 443 УПК РФ и содержит спорную ссылку на статьи 21, 81 УК РФ, это — еще одно предусмотренное процессуальным законом основание освобождения от ответственности (и наказания)¹⁷.

В связи с этим в статье 239 УПК РФ терминологически верно определено, что в постановлении о прекращении дела указываются основания его прекращения — как материально-правовые, так и процессуальные.

С учетом изложенных обстоятельств представляется, что множество процессуальных форм освобождения от уголовной ответственности (и исполнения соответствующего решения) заслуживает самостоятельного функционального и научно-практического анализа. Значимость этой работы обусловлена необходимостью соблюдения прав участников судопроизводства, в том числе на до-

¹⁷ Попутно следует заметить, что правовое регулирование исполнения указанных уголовно-правовых мер практически отсутствует, хотя часть 3 ст. 97 УК РФ предписывает, чтобы такой порядок определялся уголовно-исполнительным законодательством и иными федеральными законами. Немного лучше обстоят дела с регламентацией исполнения судебного штрафа, например последствий его неполной уплаты, в том числе при истечении сроков давности, вопросов соотношения и зачета мер пресечения, судебного штрафа в счет уголовного наказания, и наоборот.

ступ к правосудию, сохранения гарантий справедливого разбирательства, правильного и единообразного толкования и применения материального и процессуального закона в любой стадии процесса (как основания для изменения или отмены итогового решения).

В досудебной стадии производства по делу допустимо применение большинства оснований освобождения от ответственности: как общих (установленных в Общей части УК РФ), так и специальных (предусмотренных в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ). При этом, хотя терминологическая неунифицированность полномочий правоприменителя не играет решающей роли, она все же не должна вводить правоприменителя в заблуждение.

Например, в статьях 75, 76 УК РФ указывается, что лицо «может быть освобождено» от ответственности, а в статьях 76¹, 78, в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ — что лицо «освобождается» от ответственности. Однако все эти основания применимы только при соблюдении определенных в законе условий, оценка которых является предметом судебного усмотрения. Такие основания можно, но не должно применять, причем в силу различных причин, в том числе в связи с поисками пресловутой коррупционной составляющей в каждом процессуальном действии, в любой норме закона, УПК РФ¹⁸.

Даже в статье 78 УК РФ, предполагающей, казалось бы, наименьшее усмотрение, содержатся условия объективного (истечение срока давности) и субъектного (поведение субъекта в течение этого срока) характера, что фактически приравнивает содержание используемого в ней термина «освобождается» к конструкции «может быть освобождено». Такое освобождение обременяется дополнительным процессуальным условием волеизъявления обвиняемого на прекращение дела по нереабилитирующему основанию (ч. 3 ст. 27 УПК РФ), которое носит сквозной, межстадийный характер и выражается в его праве на выбор более льготного,

в том числе реабилитирующего, основания освобождения от ответственности, т.е. сопряженного с наименьшими правоограничениями¹⁹.

Поэтому при конкуренции истечения срока давности, применения мер воспитательного воздействия (ст. 78, ч. 1 ст. 90 УК РФ) и судебного штрафа (ст. 76² УК РФ) предпочтение отдается первому. Данное положение вытекает из презумпции невиновности, из толкования сомнений в пользу обвиняемого (ст. 14 УПК РФ) и обеспечивается рядом взаимосвязанных судебнопроцедурных постадийных гарантий (ст. 125, 125¹ (с 2015 г.), 214 (в ред. 2018 г.), 427, ч. 5 ст. 446², ст. 446⁵ УПК РФ).

На досудебных стадиях невозможно самостоятельное применение некоторых льготных норм (например, ст. 90 УК РФ о принудительных мерах воспитательного воздействия и ст. 76² УК РФ о самом условном и строгом освобождении от ответственности с назначением судебного штрафа). Неприменимы

Универсальность условий применения большинства видов освобождения от ответственности не означает их прямой корреляции с процессуальными порядками прекращения дела: реализация ряда оснований возможна одним субъектом в единообразной (унифицированной) процедуре

также общие и специальные нормы об освобождении от наказания вследствие изменения обстановки, по болезни (ст. 80¹, 81 УК РФ), ввиду применения мер медицинского характера (ст. 443 УПК РФ), об изменении категории преступления (ч. 6 ст. 15 УК РФ).

До 2003 года действовала статья 77 УК РФ, говорящая об изменении обстановки как основании освобождения от уголовной ответственности, что преду-

¹⁸ Лубин А.Ф., Афанасьев А.Ю. О методике оценки коррупционных рисков норм уголовно-процессуального доказательственного права // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 122–130.

¹⁹ См.: ч. 2 ст. 27 УПК РФ, а также п. 7, 14, 21, 22, 23, 25, 25³ Постановления Пленума ВС РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

сма тривало ее более широкое применение, чем судебная реализация лишь в качестве основания освобождения от наказания. Между тем перевод некоторых оснований освобождения от наказания (ст. 80¹, 81, примечание к ст. 134 УК РФ) в виды освобождения от ответственности расширил бы практические формы их использования на всех стадиях процесса и отчасти снизил бы судебную нагрузку по уголовным делам.

Суд вправе применить любое основание освобождения от ответственности без изъятий и ограничений, на любой стадии судопроизводства, если против этого не возражает подсудимый (ст. 254 УПК РФ). Однако и в судебных стадиях есть определенная специфика, дифференцирующая и в то же время усложняющая процессуальные формы освобождения от ответственности.

Так, ходатайство следствия об освобождении от ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76² УК РФ) направляется непосредственно в суд, почему-то минуя вершину стороны обвинения — прокурора, с которым не согласовываются ключевые вопросы обвинения, но участие которого в суде обязательно; дело рассматривается в процедуре предварительного слушания, без судебного следствия и без упоминания следователя, присутствие которого, видимо, подразумевается. Какое же решение должен принять суд, если позиции представителей одной стороны обвинения нередко не совпадают? Очевидно, надо предоставить время на согласование их мнений. После чего предпочтение, скорее всего, будет отдано позиции того представителя, который наделен правом обжалования судебного решения, а таковым является прокурор (ст. 389¹ УПК РФ).

Подобная наспех скопированная процедура представляет собой еще одну сокращенную форму судебного разбирательства, мало отличающуюся от особого порядка судебного разбирательства, только реализуемую без учета мнения потерпевшего (хотя и с возможностью его участия) и без признания лица виновным (т.е. с элементами упрощенчества, граничащего с нарушениями конституционных прав участников процесса на надлежащий и справедливый суд). Кстати, именно поэтому итоговое

решение о судебном штрафе обжалуется хотя и по общим правилам, но только по вопросам права, не обладает характером преюдиции и потому опровержимо (ст. 90 УПК РФ)²⁰

При таких формальных обстоятельствах, с учетом того, что правом внесудебного назначения штрафа обладают около 80 (!) контролирующих и надзорных органов (для которых, кстати, предусмотрена «регуляторная гильотина»), вообще можно было бы обойтись без судебного порядка назначения штрафа и освобождать от уголовной ответственности по аналогии со статьей 50¹ УК РСФСР — с привлечением к административной ответственности. Именно такой вариант предлагался в первоначальной редакции законопроекта ВС РФ.

В ходе предварительного слушания судья также вправе вынести решение о прекращении дела по любым основаниям, по ходатайству одной из сторон или по собственной инициативе (ст. 236, 239 УПК РФ).

В дальнейшем суд может по ходатайству сторон либо по своей инициативе вернуться к вопросу освобождения от ответственности при наличии к тому оснований, с прекращением дела в целом или в части (ст. 254 УПК РФ). Суд вправе прекратить уголовное дело в любой форме его рассмотрения по существу: в общем порядке, в особых процедурах, в том числе с участием присяжных заседателей²¹.

Большинство видов освобождения от уголовной ответственности при постановлении приговора могут перерасти в основания освобождения от

²⁰ Имеющийся процессуальный дуализм производства по назначению судебного штрафа заимствован из двойственного порядка применения принудительных мер воспитательного воздействия: по ходатайству следствия в специальном судебном порядке или в общем судебном разбирательстве по инициативе суда (ст. 90 УК РФ, глава 50 УПК РФ). Правовые позиции ВС РФ см.: Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76² УК РФ) (утв. Президиумом ВС РФ 10.07.2019) // Бюллетень ВС РФ. 2019. № 12.

²¹ Подробнее см.: Толкаченко А.А. Уголовно-правовые вопросы при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей // Российское правосудие. 2019. № 10. С. 74–84.

наказания (что, исходя из объяснимого консерватизма, не всеми воспринимается позитивно, но это отдельная проблема): в случае рассмотрения дел о преступлении небольшой и средней тяжести, а также при изменении категории преступления судом в приговоре с тяжкого на средней тяжести (ч. 6 ст. 15 УК РФ, ст. 299 УПК РФ).

В этих случаях закон в его истолковании ВС РФ позволяет суду при наличии к тому условий (ст. 75, 76, 78, 80¹, 84, 92, 94 УК РФ) освободить осужденного от отбывания наказания (п. 2 ч. 5 ст. 302 УПК РФ)²². На уровне официального толкования признана невозможность приговором освободить от уголовной ответственности и разъяснен процессуальный порядок перевода оснований освобождения от ответственности в основание освобождения от наказания.

Обратиться к этому порядку можно в любой форме судопроизводства, при постановлении обвинительного приговора, но только не в процедуре назначения судебного штрафа постановлением судьи. И наоборот: исходя из недопустимости двойной наказуемости и из того, что приговором нельзя освободить от ответственности, назначение судебного штрафа (ст. 76² УК РФ) в приговоре законом не предусмотрено. По этой же причине к осужденным неприменимы положения статей 76¹, 90 УК РФ²³.

При этом лицо, освобожденное приговором суда от наказания, считается не имеющим судимости (ч. 2 ст. 86 УК РФ), что в некоторой степени уравнивает правовой статус освобожденного от ответственности и освобожденного от наказания.

Одним из направлений снижения уголовной репрессии, наказуемости по нетяжким преступлениям является возможность прекращения уголовного дела в суде апелляционной инстанции, когда приговор не вступил в законную силу. При этом предусмотренный статьей 389²⁰ УПК РФ перечень полномочий апелляционной инстанции не явля-

ется исчерпывающим²⁴. Так, апелляция вправе прекратить дело в соответствии с одним из правил, предусмотренных статьями 25, 25¹, 28, 28¹, частью 1 ст. 443, частью 1 ст. 431 УПК РФ, если суд первой инстанции проигнорировал их, а осужденный не возражает против этого²⁵. В новой редакции части 2 ст. 20 УПК РФ (2016 г.) уточнено, что примирение с потерпевшим по делам частного обвинения (как реабилитирующее основание исключения ответственности) возможно и на стадии апелляционного производства.

В целом при установлении фактических и правовых обстоятельств для прекращения уголовного дела суд апелляционной инстанции вправе отменить решение суда первой инстанции

Суд вправе применить любое основание освобождения от ответственности без изъятий и ограничений, на любой стадии судопроизводства, если против этого не возражает подсудимый

и прекратить дело как по реабилитирующим, так и по нереабилитирующим основаниям. При этом неразъяснение участникам разбирательства их прав, в том числе на примирение и на освобождение от ответственности по иным основаниям, а равно прекращение или неправильное прекращение судом уголовного дела отнесено законом к существенной ошибке, влекущей нарушение прав сторон процесса (ст. 25, 29, 254, 268, 319 и др. УПК РФ)²⁶.

При этом аналогичное процессуальное поведение, прекращение дела в

²² Пункт 10 Постановления Пленума ВС РФ от 15 мая 2018 г. № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. 2018. № 7.

²³ Там же.

²⁴ Пункт 20 Постановления Пленума ВС РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм УПК РФ, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень ВС РФ. 2013. № 1.

²⁵ Пункт 27 Постановления Пленума ВС РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

²⁶ См.: Главе Мосгорсуда вынесли частное определение из-за нарушений // Право.ru. Практика. 8 мая 2020 г.

ходе следствия к числу существенных ошибок не отнесено. Однако представляется, что для всех правоприменителей в законе должен быть установлен единый, равноценный правозащитный подход, чего в УПК РФ нет (представители стороны обвинения причисляют себя к правозащитным органам, функционирующим ради охраны и восстановления нарушенных прав).

Приведенные положения свидетельствуют о том, что процедуры применения множественности видов освобождения от уголовной ответственности носят дифференцированный характер, что усложняет работу правоприменителя и требует повышенного внимания.

Сами полномочия суда по освобождению от ответственности и прекращению уголовного дела ничем не ограничены и распространяются на все формы и стадии судопроизводства, а также на процедуру обжалования приговора, иного итогового решения в суде апелляционной инстанции до его вступления в законную силу. Эти полномочия реализуются судами в полной мере, однако не могут расширяться бесконечно (как и формы судебного контроля за досудебным производством), в том числе из-за пределов служебной судебной нагрузки.

По этой причине имеется необходимость в объективной переоценке тех институтов, которые формально не вписываются в существующие рамки оснований освобождения от уголовной ответственности (принудительные меры медицинского характера и воспитательного воздействия, судебный штраф). При применении указанных мер (только судом, но вне приговора) ответственность уже частично реализуется со свойственными ей ограничениями, и освобождение от ее дальнейшей реализации не носит безусловного и окончательного характера, что вступает в противоречие с доктриной освобождения от уголовной ответственности (в частности, сроками давности, которые есть и у судимости). Применение и возможное расширение подобных уголовно-правовых мер, сходных с наказанием, но исполняемых не на основании приговора суда, следует соотносить с критериями законности, допустимости и рассматривать сквозь призму международных и конституционных стандартов

ответственности, наказуемости и надлежащего правосудия: не всегда цель оправдывает средства.

Кроме того, не следует забывать, что судами дополнительно реализуется — на основании иных законов с пониженными судебными процессуальными гарантиями — ряд мер уголовной репрессии. Эти меры нормативно выведены из уголовно-правовой сферы, но все-таки связаны с ней и потому также требуют самостоятельного переосмысления (административный надзор, содержание в центрах временного содержания для несовершеннолетних, запреты на профессиональную и иную трудовую деятельность в связи с совершенным преступлением — согласно трактовке Европейского Суда по правам человека все эти вопросы, как и административно-деликтное право, относятся к сфере уголовной юстиции). Как минимум правовое регулирование подобных мер заслуживает большего внимания, в том числе с учетом недопустимости двойной наказуемости.

Правильное применение оснований освобождения от ответственности предполагает учет всего комплекса соответствующих материально-правовых и процессуальных норм, юридическая сила которых реализуется только путем их применения в совокупности. Поэтому без законодательных и системных корректировок проблему расширения практики освобождения от уголовной ответственности на досудебных стадиях не решить.

Так, в статьях 47, 42 УПК РФ целесообразно напрямую закрепить право обвиняемого, потерпевшего ходатайствовать о прекращении уголовного дела при наличии к тому оснований. Соответственно, в нормах о предъявлении обвинения и об ознакомлении с материалами дела (ст. 172, 175, 217 УПК РФ) нужно предусмотреть корреспондирующую обязанность стороны обвинения разъяснять обвиняемому, потерпевшему их право ходатайствовать о прекращении дела; принимать меры (как этого требуют нормы УПК РФ от суда) по примирению сторон процесса. Такое предложение обусловлено тем, что больше половины из прекращенных дел судом прекращены именно по указанному основанию.

процессуальные гарантии

восстановление прав

конституционные стандарты

Аналогичное положение об обязанности следователя разъяснять обвиняемому его право ходатайствовать о форме судопроизводства содержится в части 5 ст. 217 УПК РФ. Несоблюдение этого права по закону должно влечь возврат дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом (к сожалению, п. 5 ч. 1 ст. 237 УПК РФ судами применяется не во всех необходимых случаях из-за опасений отмены этого решения вышестоящими инстанциями).

В связи с этим следует признать, что уже давно назрела необходимость восстановления в УПК РФ (ст. 37, 221 и др.) права прокурора на применение освобождения от ответственности и прекращение уголовного дела, поступившего не только от органа дознания, но и от следствия. В действующем законодательстве сложилась уникальная по своей абсурдности ситуация: в нем нет ни одной нормы, которая бы предоставляла прокурору, т.е. вершине централизованной стороны обвинения, право на прекращение дела в порядке надзора за следствием. Такая компетенция передана начальнику следственного органа, а прокурору предоставлены лишь полномочия по согласованию постановлений дознавателя о прекращении уголовного дела, о прекращении дела в форме дознания, в том числе в сокращенной форме (п. 3 ч. 1 ст. 226, п. 4 ч. 1 ст. 226⁸ УПК РФ), а также об отмене постановления о прекращении дела, вынесенного в ходе следствия (ч. 6 ст. 148, ст. 214 УПК РФ)²⁷.

Кроме того, законодательный перевод некоторых видов освобождения от наказания (ст. 80¹, 81, примечание к ст. 134 УК РФ) в основания освобождения от ответственности расширил бы практические формы их реализации на всех стадиях процесса и отчасти снизил бы судебную нагрузку по уголовным делам.

²⁷ О таком состоянии современного правового регулирования известно даже не всем представителям уголовно-правовой науки; нередко из издания в издание кочуют тезисы о равных правах следователя, прокурора, суда на освобождение от уголовной ответственности. При этом прокуроры вправе отменять постановления о прекращении уголовного дела и, по статистике, отменяют 25 тыс. (!) постановлений в год, что требует самостоятельного исследования.

Не способствуют распространению освобождения от уголовной ответственности на досудебных стадиях и ведомственные административно-статистические барьеры, а также поиски коррупционной составляющей, в том числе ведомственной наукой, применительно ко всем стадиям судопроизводства.

Вряд ли основным критерием эффективности системного воздействия на преступность является количество направляемых в суд уголовных дел о нетяжких преступлениях – даже притом что на реализацию социально значимого Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»²⁸ специального финансирования из бюджета не выделено (поэтому он и исполняется по остаточному принципу).

Уголовная ответственность подлежит обязательной индивидуализации, и освобождение от ответственности – один из способов для этого. Индивидуализация позволяет применять меры ответственности и освобождения от нее соразмерно и без крайностей. В условиях отсутствия в УК РФ специальных норм об индивидуализации уголовной ответственности в качестве ориентиров можно использовать нормы об индивидуализации наказания (ст. 60, 61, 63 и др. УК РФ), как это было в УК РСФСР и фактически происходит на практике.

Заслуживающим внимания вариантом расширения оснований освобождения от ответственности является учет отечественных традиций и их внедрение в законодательство и практику.

Рассмотренные положения свидетельствуют о том, что институт освобождения от уголовной ответственности имеет потенциал для более широкого применения в досудебном производстве, при всех его издержках, противоречиях и коллизиях, а потому заслуживает межотраслевого внимания. Взаимодействие в решении поставленных проблем необходимо и правоприменителю, который не должен заниматься нормотворчеством, и законодателю, и представителям теории. **□**

²⁸ Российская газета. 28 июня 2016 г.

правапрокурора

досудебноепроизводство

коррупционнаясоставляющая

Номенклатура наказаний и перспективы развития альтернатив лишению свободы

Леонид Витальевич Головко
МГУ имени М.В. Ломоносова,
заведующий кафедрой уголовного процесса,
правосудия и прокурорского надзора,
доктор юридических наук,
профессор
г. Москва, Россия

Аннотация. Развитие системы альтернативных лишению свободы наказаний сегодня сталкивается с определенными трудностями. Не все ожидания оправдываются. Это мы видим не только в России, но и во многих зарубежных государствах, например во Франции. На первый план в такой ситуации выходит поиск и анализ объективных закономерностей, несколько корректирующих чрезмерно радикальные и отчасти наивные представления о месте лишения свободы в системе уголовно-правовых санкций и его соотношении с альтернативными ему видами наказания.

Ключевые слова: уголовное право, виды наказаний, лишение свободы, альтернативы лишению свободы

Types of punishment and perspectives for development of sanctions alternative to deprivation of liberty

Leonid Vitalievich Golovko, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Head of Department of criminal procedure, justice and prosecutors' supervision, Doctor of Laws, Professor, Moscow, Russia

Annotation. The development of the system of sanctions alternative to deprivation of liberty is facing certain difficulties today. All the expectations are not fulfilled. We do not see that only in Russia, but also in foreign countries, for example, in France. In such circumstances it is most important to search for and analyse objective consistent patterns somehow correcting excessively radical and partly naive perceptions of the deprivation of liberty in the system of criminal-law sanctions and its correlation with alternative types of sanctions.

Keywords: criminal law, types of sanctions, deprivation of liberty, alternatives to deprivation of liberty

Одним из направлений давно уже провозглашенного в России курса на гуманизацию и либерализацию уголовного законодательства¹ является, как известно, стремление к максимально возможному сокращению применения лишения свободы в качестве меры наказания и активизации других видов наказания, задуманных законодателем в качестве его альтернативы.

Поначалу не все здесь складывалось просто, поскольку в момент вступления нового Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее — УК РФ) в силу значительная часть из предусмотренных в санкциях его особенной части альтернативных лишению свободы мер наказания имела сугубо эфемерный характер, — такие меры, как арест, ограничение свободы и обязательные работы, применению не подлежали ввиду отсутствия соответствующей инфраструктуры, что негативно оказывалось на возможностях суда по индивидуализации наказания. В результате этого едва ли не ключевым инструментом «гуманизации» для суда стало условное осуждение к лишению свободы, достигшее в первые годы действия УК РФ небывалых ранее пропорций: допустим, в 1998 году на 34,3% осужденных к реальному лишению свободы приходилось 54,5% осужденных к условному лишению свободы, а в 2003 году — соответственно 32,8 и 55,5%³. Фактически условное осуждение к лишению свободы предстало в тот период в качестве основной из оказавшихся в руках судей альтернатив реальному лишению свободы, невзирая на, казалось бы, «прогрессивный» облик ст. 44 УК РФ, к правоприменению имевшей мало отношения, з чем, разумеется, нет ни малейшей вины самих судей.

Затем ситуация стала постепенно меняться. В 2005 году вводятся в действие обязательные работы, а в 2010-м — обновленная и много более реалистичная версия ограничения свободы. В 2017 году начинается реализация на практике еще одной меры наказания, законодательно сконструированной еще в 2011 году, — принудительных работ, которые также рассматриваются законодателем в качестве альтернативы лишению свободы, с чем можно поспорить по сути⁴, но нельзя не согласиться по форме, т.е. с точки зрения законодательных формулировок. В арсенале российских судей наконец-то появляется более или менее разнообразная номенклатура наказаний (ст. 44 УК РФ), причем, что самое главное, наказаний реально действующих.

Удалось ли добиться главного — снижения применения лишения свободы, а вместе с ним и сокращения российского тюремного населения в целом, т.е. исковой гуманизации уголовного законодательства в ее не столько нормативном, сколько практическом воплощении? Перестало ли лишение свободы рассматриваться в качестве своего рода «первой среди равных» (*primus inter pares*) меры наказания, утратив роль «первой» и оставшись просто «равной» (причем не только формально) своим более современным альтернативам, когда его используют лишь в исключительных случаях — если без него действительно нельзя обойтись? Непростые вопросы, однозначного ответа на которые нет. Достаточно противоречивы и доктринальные оценки ситуации.

С одной стороны, число приговоров к реальному лишению свободы

¹ См., например: Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. М., 2010. С. 42 (этот источник приведен здесь исключительно в виде иллюстрации, поскольку политика гуманизации и либерализации уголовного законодательства выходит, разумеется, за пределы экономических преступлений и касается уголовного права в целом).

² СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ См. об этом: Пархоменко Д. Об исполнимости уголовных наказаний // Уголовное право. 2018. № 5. С. 40.

⁴ Данное наказание исполняется в особых исправительных центрах, в большинстве случаев находящихся в сотнях километров от места жительства осужденных, куда последние помещаются на достаточно длительный срок, где действует специальный режим и т.п. Если абстрагироваться от формулировок закона и посмотреть на суть данного вида наказания, становится ясно, что здесь правильнее говорить не об альтернативе лишению свободы, а о гуманизации последнего, т.е. о создании максимально облегченной формы исполнения данного вида наказания в рамках своего рода дифференциации лишения свободы.

мерынаказаний

лишениеисвободы

альтернативныенаказания

с 2006 по 2015 год сократилось на 42%, с 312 тыс. до 219 тыс. человек. Количество содержащихся в исправительных учреждениях с 2010 года снизилось на 25% (на 223 тыс. чел.), что позволило ликвидировать 36 исправительных учреждений и 35 воспитательных колоний⁵. Определенную роль играет в этом и активизация применения судами альтернативных лишению свободы видов наказания, в том числе новейших, из которых только принудительные работы так пока, пожалуй, и не заняли достойного места в структуре назначаемых судами мер наказания⁶, чего не скажешь ни об обязательных работах, ни даже об ограничении свободы, не говоря уже о давно хрестоматийных штрафе и исправительных работах⁷.

С другой стороны, специалисты продолжают настаивать, что «перечень

видов наказаний, предусмотренных в ст. 44 УК РФ, никогда не функционировал полноценно именно как системное образование»⁸, в том числе после всех реформ последних лет. Более того, «предусмотренная в УК РФ 1996 г. подсистема наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, до настоящего времени так и не заработала в полном объеме, а потому реальной альтернативы наказанию в виде лишения свободы она не представляет»⁹. Иначе говоря, критика российской системы наказаний продолжается, и прежде всего с точки зрения отсутствия баланса между лишением свободы и альтернативами ему. Искомый баланс, дескать, может быть достигнут только при наличии адекватной и эффективной системы альтернативных лишению свободы наказаний, которой у нас пока нет.

Впрочем, было бы наивно полагать, что речь идет о сугубо российских проблемах. На самом деле поиски равноценных лишению свободы по степени эффективности альтернатив характерны для многих современных государств, включая те, чьи правовые системы считаются классическими, причем полученные результаты пока никого не удовлетворяют. Так, во Франции группа очень авторитетных экспертов вручила 20 февраля 2013 г. премьер-министру страны доклад об основных направлениях уголовной политики в части выработки оптимальной в сегодняшних условиях системы наказаний. В первой из двенадцати сделанных рекомендаций говорится, в частности, что «лишение свободы более не следует рассматривать в качестве референсного вида наказания, оно должно быть лишь одним из наказаний среди прочих»¹⁰. Реализуя данную рекомендацию, французский законодатель предусмотрел в УК Законом от 15 августа 2014 г. новый альтернативный вид наказания — уголов-

⁵ См.: Пудовочкин Ю.Е., Толкаченко А.А. Основные направления межотраслевого совершенствования института освобождения от уголовной ответственности // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 61.

⁶ В первый год применения института принудительных работ (2017 г.) к этому виду наказания были осуждены всего 587 человек (см.: Пархоменко Д. Указ. соч. С. 43). В 2019 году несколько больше — 1406 человек (см.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 год // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.sudrf.ru/index.php?id=79&item=5259>), но все равно незначительно. Думается, что не в последнюю очередь это связано, во-первых, с инфраструктурными, а во-вторых, с концептуальными проблемами, часть из которых мы в самом общем виде обозначили выше (см. также об этом в более конкретном русле: Соколова О., Степанова И. Проблемы применения уголовного наказания в виде принудительных работ // Уголовное право. 2019. № 1. С. 63).

⁷ Штраф, исправительные и обязательные работы стабильно занимают в последние годы первые три места по распространенности применения среди альтернативных лишению свободы видов наказания, причем с 2015 года обязательные работы обошли работы исправительные, а с 2016 года и штраф, став самым распространенным видом наказания, не связанным с лишением свободы, если не считать условное осуждение к лишению свободы (см.: Пархоменко Д. Указ. соч. С. 40). Несколько отстает от них ограничение свободы, но и оно не выглядит в системе наказаний маргинальным, будучи применено в 2019 году к 20 420 осужденным (см.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 год), что не идет ни в какое сравнение с принудительными работами.

⁸ Пархоменко Д. Указ. соч. С. 40.

⁹ Там же. С. 43.

¹⁰ 12 recommandations pour une nouvelle politique contre la récidive // Ministère de la justice. 20 février 2013. URL: <http://www.justice.gouv.fr/justice-penale-11330/prevention-de-la-recidive-12453/12-recommandations-pour-une-nouvelle-politique-contre-la-recidive-25112.html>

принудительные работы
обязательные работы
исправительные работы

но-правовое ограничение (*contrainte pénale*), чем-то напоминающее российское ограничение свободы. Данное нововведение было подвергнуто немедленной критике в литературе, в первую очередь за то, что возлагаемые на осужденного в рамках его исполнения обязанности почти ничем не отличаются от обязанностей, предусмотренных известным институтом отсрочки исполнения наказания с режимом испытания¹¹, т.е. между «режимом испытания» и «уголовно-правовым ограничением» фактически нет никакой разницы¹². В результате новое наказание в виде уголовно-правового ограничения так и не нашло достойного места во французском уголовном праве. Стоит ли удивляться, что вскоре оно было вовсе упразднено как автономное наказание Законом от 23 марта 2019 г., вступившим в силу с 23 марта 2020 г., а часть предусмотренных им мер просто перешла в институт отсрочки исполнения наказания с режимом испытания, переименованной тем же Законом в более модную «пробационную отсрочку» (*sursis probatoire*). Взамен с 23 марта 2020 г. во Франции появились два новых альтернативных наказания: «домашнее заключение под электронным наблюдением» и «наказание в виде стажировки»¹³. Их эффективность еще предстоит оценить.

¹¹ См. о нем: Уголовный кодекс Франции / Пер. Н.Е. Крыловой. СПб., 2002. С. 138.

¹² См.: Bonfils P., Giacomelli M. Droit pénal général. Paris, 2018. P. 263–264.

¹³ До того существовало только наказание в виде «стажировки гражданственности» (*stage de citoyenneté*), введенное Законом от 9 марта 2004 г. и предусматривающее обязанность пройти в пределах одного месяца курс обучения «республиканским ценностям толерантности и уважения к человеческой личности», в том числе по решению суда за счет осужденного. Постепенно на его основе стали появляться и другие «стажировки», которые теперь объединены в рамках более общего «наказания в виде стажировки», конкретную разновидность которой определяет суд. К ним относятся, например, «стажировка борьбы против сексизма и приобщения к равенству женщин и мужчин», «стажировка выработки ответственного поведения в борьбе против насилия внутри пар и сексистских действий» и т.д. Идеологическая подоплека данного вида наказания, в чем-то сравнимого с советским «общественным порицанием», конечно, налицо.

Кроме того, в ряду французских альтернативных наказаний последних лет выделяется такое уголовное наказание, как «санкция в виде возмещения вреда» (*sanction-réparation*), включенное в систему наказаний Законом от 5 марта 2007 года. Оно заключается в обязанности осужденного возместить потерпевшему вред и явно соответствует духу так называемой восстановительной юстиции. Во французской уголовно-правовой науке его также подвергают очень жесткой критике за полное разрушение границ между гражданской и уголовной ответственностью¹⁴, поскольку объявленное уголовным наказание, по сути, сводится к сугубо гражданско-правовым компенсаторным механизмам, особенно бессмысленным с учетом существования во французском уголовном процессе института гражданского иска, который также, как правило, разрешается в форме возмещения вреда. В целом современная французская система альтернативных наказаний устоявшейся не является и подвергается не меньшему давлению, чем российская, никого сегодня, строго говоря, не устраивая, что мы видим на примере бесконечных в последние годы метаний законодателя и той во многом небезосновательной обструкции, которой подвергается каждое новое альтернативное наказание со стороны доктрины.

Почему так получается? Чем объясняются трудности реализации объявленного повсеместно уголовно-политического идеала придания лишению свободы исключительного характера и переноса центра тяжести уголовно-правового воздействия на наказания, с лишением свободы не связанные? Лежат ли они в сугубо нормативной плоскости, когда российскому, французскому и другим законодателям просто не удается пока найти некое оптимальное решение, которое словно по мановению волшебной палочки кардинально изменило бы ситуацию, или в чем-то более глубоком? Понятно, что последний вопрос является риторическим. Поэтому, не отрицая гипотетического потенциала для рутинного совершенствования в интересующем нас

¹⁴ См.: Bonfils P., Giacomelli M. Op. cit. P. 277.

домашнее заключение

режим испытания

электронное наблюдение

аспекте уголовного законодательства, выделим несколько *объективных* закономерностей, без учета которых все рассуждения о развитии альтернативных лишению свободы наказаний выглядят малопродуктивными. Сегодня данные закономерности остаются недооцененными.

Во-первых, ни одно наказание не может быть эффективным без надлежащей и достаточно экономически дорогой *инфраструктуры* исполнения. Поэтому альтернатива лишению свободы не означает альтернативу инфраструктуре исполнения наказания. В последнем случае никакой альтернативы как раз нет, о чем нередко забы-

Ни одно наказание не может быть эффективным без надлежащей и достаточно экономически дорогой инфраструктуры исполнения

вает законодатель. Лишение свободы обладает исторической инфраструктурой (существующая в каждой стране система пенитенциарных учреждений), которая современному законодателю досталась в наследство, ему остается лишь поддерживать ее в надлежащем состоянии, в чем-то оптимизировать, модернизировать и т.п., но не строить с нуля. Ни одно альтернативное наказание такой инфраструктуры не имеет, что и приводит к разрыву между уголовно-правовыми намерениями законодателя (конструирование новых наказаний) и их обеспеченностью соответствующей инфраструктурой, который увеличивается еще и в силу очевидной недооценки стоимости такой инфраструктуры, часто не меньшей, нежели стоимость содержания пенитенциарных учреждений. Только этим объясняется известный пенеологический провал российского законодателя середины 1990-х гг., кодифицировавшего уголовно-правовые нормы о наказании без малейшей оглядки на инфраструктуру их исполнения, что и привело к появлению «мертвых» наказаний (арест и т.п.).

Более того, специфика лишения свободы заключается не только в наличии готовой инфраструктуры исполнения (более или менее качественной), но и в ее полностью *автономном* характере, не затрагивающем права других граждан и предполагающем полное обеспечение осужденного за счет государства. С альтернативными наказаниями дело в этом смысле обстоит сложнее, поскольку осужденный исполняет их, не будучи изолирован от общества и находясь на самообеспечении. Скажем, можно при желании обеспечить новое французское «домашнее заключение под электронным наблюдением» необходимой современной инфраструктурой, превратив место жительства осужденного и подходы к нему в свое рода «цифровую тюрьму», хотя это и не менее дорого, чем содержание его в местах лишения свободы. Но как быть при этом с правами проживающих совместно с осужденным лиц, его родственников, соседей и т.п., которые также отчасти оказываются в данной «тюрьме», хотя никакого преступления не совершали? Как быть с необходимостью обеспечения жизнедеятельности осужденного, который должен себя содержать, зарабатывать средства к существованию, покупать продукты, одежду и т.п.? Вопросов возникает так много, а ответов на них так мало, что проблема инфраструктуры исполнения такого рода наказания просто выводится за скобки, что оставляет его в числе экзотических и не дает ему ни малейших шансов конкурировать с лишением свободы.

Во-вторых, эффективное применение наказаний, не связанных с лишением свободы, всегда является результатом глубокой индивидуализации наказания, которая невозможна без адекватных процессуальных механизмов, т.е. без необходимой *процессуальной* составляющей¹⁵. Однако в России ее до сих пор нет. Законодатель предусматривает все больше уголовно-правовых способов индивидуализации

¹⁵ Подробнее об этом см.: Кондратьев С.А. Современные подходы к построению судебного разбирательства по уголовным делам с точки зрения индивидуализации наказания: опыт зарубежной и международной юстиции // Закон. 2019. № 9. С. 192.

наказания (альтернативные наказания, изменение категории преступления и т.д.), предоставляющих суду широкие дискреционные полномочия в данном направлении, однако никак не обеспечивает их специальными процессуальными механизмами, направленными на всестороннее изучение личности обвиняемого, его социальной ситуации, реального образа жизни. Что остается делать суду, обязанному индивидуализировать наказание на основании стандартного набора имеющихся уголовно-процессуальных средств (справка о судимости, типовая характеристика с места работы или жительства и др.), кроме как уклоняться от такой индивидуализации? Вряд ли тогда стоит удивляться весьма скромным цифрам применения той же части 6 ст. 15 УК РФ¹⁶. То же самое и с новейшими наказаниями, которые применяются сегодня нередко, но, как правило, не в качестве реальной альтернативы лишению свободы, будучи скорее альтернативой условному осуждению к нему.

При этом сегодня в определенной мере нейтрализованы даже те возможности индивидуализации наказания, которые имелись у судов в рамках традиционного для отечественного уголовного процесса принципа материальной истины, когда сам суд активно собирает те доказательства, которые необходимы ему для постановления приговора, в том числе в части назначения наказания. С попыткой перехода к более состязательным вариантам уголовного судопроизводства вопрос о назначении наказания оказался тем самым «младенцем», который был просто выплеснут с «водой». Ясно, что, в отличие от вопроса о виновности, он вообще никогда не может решаться по состязательным канонам, поскольку на обвинителе лежит бремя доказывания виновности обвиняемого, но не бремя собирания данных о его личности. Более того, если обвинитель будет чрезмерно сосредоточен на собирании таких данных, возникает риск полного деформирования уголовного процес-

са, когда центр тяжести судебных дебатов окажется смещен с обсуждения деяния на обсуждение личности подсудимого, что недопустимо. Это прекрасно понимают в тех же Англии или США, где есть специальный этап назначения наказания, не подчиняющийся состязательным началам¹⁷, но пока еще не очень хорошо понимают у нас.

В-третьих, соглашаясь с тем, что лишение свободы является «не только самым распространенным видом уголовного наказания, но и самым исполнимым»¹⁸, следует признать, что максимально высокая степень исполнимости лишения свободы среди всех

Эффективное применение наказаний, не связанных с лишением свободы, всегда является результатом глубокой индивидуализации наказания, которая невозможна без адекватных процессуальных механизмов

остальных видов наказания, действующих в России и других не применяющих смертную казнь государствах, — это объективная характеристика, которая в обозримой перспективе не изменится и измениться не может. Данная ситуация связана как с инфраструктурной обеспеченностью данного вида наказания, отмеченной выше, так и с его природой, предполагающей изоляцию осужденного от общества, помещение его в специальное учреждение, круглосуточный надзор за ним и т.п. Альтернативные наказания столь высокой степенью исполнимости никогда обладать не будут, если только сами в каких-то случаях не превратятся в фактическое лишение свободы, сохранив тем самым лишь вывеску альтернативности.

¹⁷ Подробнее см.: Кондратьев С.А. Исторические и концептуальные основы формирования специального этапа назначения наказания в англо-американском уголовном процессе // Государство и право. 2019. № 11. С. 130.

¹⁸ Пархоменко Д. Указ. соч. С. 41.

¹⁶ См.: Скрипченко Н. Вопросы изменения категории преступлений в Постановлении Пленума Верховного Суда // Уголовное право. 2018. № 5. С. 60–61.

В-четвертых, максимально высокая степень исполнимости наказания в виде лишения свободы неизбежно приводит к тому, что данный вид наказания остается и останется *референтным*, т.е. всегда будет рассматриваться в качестве *ultima ratio* уголовно-правовой системы. Любое альтернативное наказание по определению обладает недостаточной степенью исполнимости, поскольку априори предполагает большую или меньшую добровольность исполнения (человека физически невозможно заставить в сегодняшней правовой реальности принудительно трудиться, зарабатывать деньги на штраф, не выходя из своего жилого помещения и т.п.) и,

Любое альтернативное наказание по определению обладает недостаточной степенью исполнимости, поскольку априори предполагает большую или меньшую добровольность исполнения

следовательно, потенциал для, условно говоря, конвертации в лишение свободы. Иными словами, каждое альтернативное наказание всегда в каком-то смысле остается по отношению к лишению свободы факультативным, кроме разве что незначительных исключений, касающихся наименее опасных преступлений, вовсе не предусматривающих лишение свободы в качестве меры наказания. Факультативный характер альтернативных наказаний мы наблюдаем в рамках неизбежной в любом правовом порядке замены значительного их числа на то самое лишение свободы, которого законодатель, казалось бы, стремился избежать, конструируя данные альтернативные санкции¹⁹. Эту ситуацию

¹⁹ См., например, конкретные примеры и цифры: Соколова О., Степанова И. Замена исправительных и обязательных работ иным видом наказания в случае злостного уклонения от их отбывания: анализ судебной практики // Уголовное право. 2018. № 6. С. 90; Мингалимова М. Замена штрафа на лишение свободы: актуальные вопросы правоприменения // Уголовное право. 2019. № 1. С. 45.

также невозможно изменить, она объективна и не связана с какими-то гипотетическими недочетами законодательства.

Совершенствовать систему альтернативных лишению свободы наказаний, конечно, нужно, как нужно и развивать ее на практике, никогда не забывая об инфраструктуре исполнения и о процессуальной обеспеченности индивидуализации наказания. Но следует помнить и об отмеченных объективных закономерностях, иначе все наши ожидания окажутся иллюзорны. Лишение свободы всегда будет для уголовного права центральной мерой наказания, своего рода референтной категорией, без которой оно вообще не может существовать²⁰. Неоправданными являются и попытки его превращения в наказание «помимо прочих», равноценное по своему значению остальным (альтернативным) видам наказания, или даже в нечто исключительное. Это невозможно ни юридически, ни фактически, что никак не мешает ни планомерному сокращению до разумных пределов применения лишения свободы, ни эффективному использованию альтернативных уголовно-правовых санкций в рамках обоснованной индивидуализации наказания.

²⁰ Характерно, что, например, во Франции по делам о так называемых преступлениях (*crimes*), примерно эквивалентных отечественным особо тяжким и тяжким преступлениям (или по крайней мере большей части последних), уголовный закон вообще не предусматривает никаких иных основных наказаний, кроме лишения свободы. Иначе говоря, дифференциация французских наказаний за «преступления» — это исключительно дифференциация лишения свободы в зависимости от его сроков. Все альтернативные лишению свободы наказания подлежат в этой стране применению только по делам о так называемых проступках (что-то вроде отечественных преступлений небольшой, средней тяжести, частично тяжких), где действуют наряду с лишением свободы, также иногда весьма длительным, но уступающим по срокам лишению свободы за «преступления».

Уголовное наказание и меры уголовно- правового характера: соотношение и перспективы применения

Алексей Валерьевич Пиук

Суд Ямало-Ненецкого автономного округа,
председатель,
доктор юридических наук
г. Салехард, Россия

Аннотация. Наряду с видами наказания в части 2 ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации закреплено понятие «иные меры уголовно-правового характера, назначаемые за совершение преступлений». Главой 51¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации к таким мерам отнесена уплата судебного штрафа при прекращении уголовного дела. При использовании мер уголовно-правового характера применяются менее строгие стандарты доказанности, что вряд ли оправданно. В статье исследуется возможность передачи вопросов освобождения от уголовной ответственности с применением мер уголовно-правового характера в ведение прокурора с закреплением за судом контрольной функции.

Ключевые слова: уголовный суд, прокурор, уголовное наказание, меры уголовно-правового характера, доказывание, освобождение от уголовной ответственности

Criminal punishment and penal measures : correlation and perspectives of application

Aleksey Valeriyevich Piyuk, Yamalo-Nenetskiy Regional Court, President, Doctor of Laws, Salekhard, Russia

Annotation. Among the types of punishment mentioned in Article 2(2) of the Criminal Code of the Russian Federation this Article mentions the notion of «other penal measures for the commission of offences». Chapter 511 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation mentions among those measures the payment of penal fine upon discontinuation of criminal proceedings. When penal measures are used, lower standards of proof apply, which is hardly justified. The author studies the possibility to transfer the issues of exemption from criminal responsibility under prosecutors' jurisdiction and give control powers to courts.

Keywords: criminal court, prosecutor, criminal punishment, penal measures, proof, exemption from criminal responsibility

Развитие уголовного судопроизводства и уголовного законодательства современной России, как известно, связывается законодателем с упрощением процессуальных форм и экономией финансовых средств и ресурсов, с рационализацией и оптимизацией уголовного права и процесса.

За годы реформ в уголовном законодательстве произошли значительные изменения: в частности, была переформатирована даже доктрина уголовного наказания — положения, оставшиеся в России неизменными со времен И.Я. Фойницкого и Н.С. Таганцева, были подвергнуты ревизии и переоценке. Представляется, произведенные преобразования не всегда носили системный характер, а их практическое применение способно повлечь определенные трудности.

Полагаем необходимым упомянуть, что в результате либерализации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства число лиц, находящихся в различных пенитенциарных учреждениях, в современный период снизилось почти в два раза по сравнению с началом XXI века. Если в начале 2000-х годов количество заключенных в Российской Федерации составляло 925,1 тыс. чел., то к 2018 году оно уменьшилось до 563,2 тыс. человек¹. При этом, основываясь на статистических данных о преступности, в том числе рецидивной, можно утверждать, что значимого, коренного улучшения состояния правопорядка в Российской Федерации не произошло. Законодатель путем декриминализации и депенализации решил задачу экономии финансовых и людских ресурсов, чего явно недостаточно: в первую очередь должны быть разрешены системные, сущностные проблемы.

Настораживает происходящее в последние годы разрушение, размывание классической континентальной конструкции ключевых понятий уголовного права. Это прежде всего относится к преступлению и наказанию: понятие и содержание этих терминов давно и хорошо известно в теории, вопросам

преступного поведения и следующего за ним наказания посвящены труды таких столпов науки уголовного права и процесса, как С.И. Баршев, И.Я. Фойницкий, Н.С. Таганцев, С.В. Познышев, С.П. Мокринский и многих других². Как известно, под преступлением в уголовном праве понимается общественно опасное, противоправное, уголовно наказуемое деяние (действие или бездействие). Уголовное наказание представляет собой назначаемую по приговору суда меру государственного принуждения, применяемую к лицу, признанному виновным в совершении преступления, заключающуюся в предусмотренных уголовным законом ограничениях прав и свобод индивидуума.

Начнем с «наказания». Да, в контексте логической пары «преступление — наказание» этот термин вторичен, однако, как ни парадоксально, реформа уголовного законодательства современной России зачастую производится в обратном порядке — от «наказания» к «преступлению».

Постулатом уголовного процесса является положение, что уголовное наказание назначается только за совершение преступления и применяется исключительно к лицу, которое в установленном законом порядке признано судом виновным в совершении этого преступления. Согласно части 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации³ каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Действовавший почти четыре десятилетия Уголовный кодекс РСФСР 1960 года⁴ (далее — УК РСФСР) устанавливал, что за каждое преступление (исключая малозначительные деяния или

¹ Количество заключенных в России по годам. URL: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/943-kolichestvo-zaklyuchennykh-v-rossii>

² См.: Баршев С.И. Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях. СПб., 1841; Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремным ведением. М., 2000; Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2 т. М., 1994; Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. М., 1912; Мокринский С.П. Наказание, его цели и предположения. СПб., 1902.

³ СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

⁴ Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

если лицо либо деяние перестало быть общественно опасным) лицо подлежит наказанию. К лицам, признанным в установленном порядке невменяемыми (душевнобольными), суд в соответствии со статьей 58 УК РСФСР применял принудительные меры медицинского характера. Их назначение, как и в настоящее время, не зависело от усмотрения суда и обуславливалось самим фактом невменяемости, устанавливаемым в результате судебно-медицинского исследования. Судейское усмотрение имело место, когда речь шла о применении уголовного наказания к несовершеннолетним преступникам: согласно статье 63 УК РСФСР суд мог назначить им меры воспитательного характера, если «найдет целесообразным не применять уголовное наказание». Никаких иных мер воздействия, применяемых наряду с уголовным наказанием, если не относить к таковым условное осуждение или осуждение с отсрочкой исполнения приговора, УК РСФСР (как и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР⁵) не содержал.

Уголовный кодекс Российской Федерации⁶ (далее – УК РФ), принятый в 1996 году, наряду с наказанием ввел понятие «иные меры уголовно-правового характера: в части 2 ст. 2 указано, что для осуществления своих задач Кодекс «устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений». В статье 6 УК РФ закреплено, что «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». При этом не было дано определения таких мер, а их перечень отсутствовал.

Лишь в 2006 году в УК РФ был введен раздел VI «Иные меры уголовно-правового характера», к которым были отнесены принудительные меры медицинского характера, а также конфискация имущества (глава 15¹), которая ранее, до 2003 года, содержалась как вид наказания в перечне наказаний (ст. 52

УК РФ). В 2016 году УК РФ был дополнен статьей 76², устанавливающей, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред⁷. Этим же законом в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации⁸ (далее – УПК РФ) закреплены положения главы 51¹, предусматривающей прекращение уголовного преследования с уплатой судебного штрафа как меры уголовно-правового характера. Кроме того, дополнены и иные разделы УПК РФ: так, статьей 25¹ установлено, что суд по собственной инициативе или по результатам рассмотрения ходатайства, поданного следователем с согласия руководителя следственного органа либо дознавателем с согласия прокурора, в порядке, установленном Кодексом, в случаях, предусмотренных статьей 76² УК РФ, вправе прекратить уголовное дело или уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред, и назначить данному лицу меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Таким образом, в настоящее время в УК РФ имеется как перечень видов наказаний, так и различные виды мер уголовно-правового характера. В частности, в законе закреплено два вида штрафа: штраф как уголовное наказание, применяемый в качестве основного или дополнительного наказания, и судебный штраф как мера уголовно-правовой ответственности, применение которой регламентировано вышеприведенными статьями УК и УПК РФ. Мерой уголовно-правового характера

⁵ Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

⁶ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁷ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. 8 июля 2016 г.

⁸ Российская газета. 22 декабря 2001 г.

принудительные меры
условное осуждение
отсрочка исполнения

является теперь и конфискация имущества, которая до 2003 года считалась исключительно мерой наказания. Возникает закономерный вопрос: в чем принципиальное отличие мер, относящихся к уголовному наказанию, от мер уголовно-правового характера?

Анализ качеств (признаков) мер наказания и сравнение их с признаками мер уголовно-правового характера дает однозначный ответ: и те и другие являются мерами уголовной ответственности. По сути, и штраф как вид уголовного наказания, и судебный штраф как мера уголовно-правового характера представляют собой кару за совершение уголовно наказуемого деяния, независимо от того, в каких разделах УК и УПК современный законодатель считает их нужным закрепить, поскольку основанием для научного разделения являются не формальное закрепление в том или ином разделе либо главе закона, а существенные признаки, определяемые прежде всего методом уголовно-правового регулирования. Законодатель, характеризуя меры уголовно-правового характера, определил, что они устанавливаются за совершение преступлений (ст. 2 УК РФ), должны быть справедливыми (ст. 6), не могут иметь своей целью причинение физических страданий и унижение человеческого достоинства (ст. 7) и т.д. Что изменилось в природе и содержании конфискации, ставшей из меры (одного из видов) уголовного наказания мерой уголовно-правового характера? Вопрос представляется риторическим: как и прежде, конфискация является карой, наказанием, она ограничивает имущественные права, обеспечивается силой государственного принуждения и т.д. Более того, став мерой уголовно-правового характера, конфискация, в отличие от судебного штрафа, согласно статье 104¹ УК РФ, как и прежде, применяется по обвинительному приговору суда.

Отличие же штрафа как основного либо дополнительного вида наказания от судебного штрафа заключается лишь в том, что штраф как мера уголовного наказания применяется исключительно по приговору суда, когда лицо признано виновным, мера же уголовно-правового характера в виде судебного штрафа применяется путем вынесения судом

постановления и, что самое главное, при использовании иных стандартов доказывания. Если для того, чтобы вынести приговор как акт правосудия, суду необходимо провести полноценное судебное разбирательство (исключением являются нормы глав 40 и 40¹ УПК РФ), то при назначении судебного штрафа достаточно подозрения, поскольку его применение возможно и в отношении подозреваемого. Иными словами, законодатель установил для использования судебного штрафа иные, менее строгие стандарты доказанности деяния.

Как известно, положения УК и УПК РФ, регламентирующие уплату судебного штрафа как меры уголовно-правового характера, призваны, по замыслу законодателя, как и нормы глав 40 и 40¹ УПК РФ, разгрузить судебную систему. Вместе с тем существует реальная опасность, что при снижении стандартов доказанности состояние правопорядка в обществе и государстве не улучшится.

Пунктом 25³ Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 56 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»⁹ при изучении представленных материалов и рассмотрении ходатайства о применении судебного штрафа судье предписывается убедиться в том, что выдвинутое в отношении лица подозрение или предъявленное лицу обвинение в совершении преступления небольшой или средней тяжести обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу, и в материалах содержатся достаточные сведения, позволяющие суду принять итоговое решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении подозреваемому, обвиняемому меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Пункт 25⁵ этого Постановления устанавливает, что в ходатайстве о применении судебного штрафа суду следует отказать, если «сведения об участии подозреваемого, обвиняемого

стандарты доказывания

обвинительный приговор

прекращения дела

⁹ Российская газета. 7 декабря 2016 г.

в совершенном преступлении, изложенные в постановлении о возбуждении ходатайства о применении к нему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела» либо если «уголовное дело или уголовное преследование должно быть прекращено по иным основаниям, например за отсутствием события или состава преступления, в связи с истечением срока давности уголовного преследования (пункт 2 части 5 статьи 446² УПК РФ)».

Очевидно, что в полном объеме оценить обоснованность обвинения без исследования доказательств в суде затруднительно, в силу специфики предварительного расследования формирование ценности доказательств (особенно такого их качества, как достоверность) завершается лишь в стадии судебного разбирательства, в связи с чем окончательные выводы органа расследования по уголовному делу являются только вероятностными¹⁰.

В конструкции, примененной в статье 76² УК РФ и главе 51¹ УПК РФ, судебный штраф является «квазинаказанием», применяемым за совершение предполагаемого преступления, хотя и при наличии требования к суду убедиться, что обвинение, предъявленное лицу, «обоснованно и подтверждается доказательствами». Появление иных мер уголовно-правового характера в виде обязательных работ на срок от 30 до 240 часов и исправительных работ на срок от одного месяца до одного года, как известно, предусматривается внесенным в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации законопроектом № 612292-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»¹¹. Под уголовным проступком предлагается понимать преступление небольшой тяжести, за которое не предусмотрено на-

казание в виде лишения свободы. Представляется, что принятие законопроекта повлечет закрепление в уголовном и уголовно-процессуальном законе не только еще двух видов «квазинаказания», но и «квазипреступления» как деяния, не предполагающего классической процедуры доказывания.

Думается, что порядок применения мер уголовно-правового характера, в частности в виде штрафа, был бы более логичен, если бы, как это предусмотрено во Франции¹², предложение об уплате штрафа в суд вносил прокурор, на которого в этом случае было бы целесообразно возложить обязанность рассматривать ходатайства потерпевшего и обвиняемого в досудебном порядке и принимать решение об их поддержке либо отклонении. Возможен также порядок, при котором прокурор по окончании расследования во избежание судебного преследования предлагал бы обвиняемому, совершившему малозначительное деяние, уплатить определенный штраф либо выполнить какие-либо позитивные действия (общественные работы и т.д.), как, например, делается в Бельгии, Нидерландах и некоторых других странах¹³. Так, в Израиле полиция, закончив расследование по уголовному делу, передает дело в прокуратуру либо в отдел обвинения самой полиции. Обвинительный орган в случае получения уголовного дела обязан оповестить об этом подозреваемого и уведомить его, что в течение 30 дней он имеет право обратиться с мотивированной просьбой о невынесении против него обвинительного заключения. Это право относится лишь к категории уголовных дел, наказание за которые не превышает трех лет лишения свободы. Обращение в обвинительный орган дает возможность подозреваемому изложить свою точку зрения на происшедшее, дать юридическую оценку ситуации, убедить в малозначительности слу-

¹⁰ См.: Свиридов М.К. Установление истины на предварительном расследовании и в судебном разбирательстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сб. ст. Ч. 51. Томск, 2011. С. 7–8.

¹¹ См.: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/612292-7>

¹² См.: Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 134.

¹³ См.: Калугин А.Г., Монид М.В. Компромисс в уголовном судопроизводстве. Красноярск, 2008. С. 9; Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. М., 2002. С. 337.

обвинительный орган

юридическая оценка

исследование доказательств

чившегося либо признать факт правонарушения и согласиться выполнить определенные действия. В результате большое количество уголовных дел не доходит до судебных слушаний и прекращается после осуществления обвиняемым каких-либо положительных действий – уплаты штрафа, выполнения определенных работ и т.д.¹⁴

Предвидим возражения о том, что ограничивать граждан в правах и налагать на них меры уголовно-правовой ответственности в цивилизованном обществе должен суд. Более того, надеемся, что и отечественный законодатель, вводя нормы главы 51¹ УПК РФ, исходил из этих же соображений.

В связи с этим полезно вспомнить полемику между двумя выдающимися российскими процессуалистами – И.В. Михайловским и П.П. Пусторослевым. Поводом к ней послужила диссертация И.В. Михайловского «К вопросу об упрощении суммарного уголовного процесса», представленная для получения степени приват-доцента Императорского Юрьевского университета в 1903 году. Анализируя упрощенные формы разрешения малозначительных уголовных дел, существовавшие в странах Европы (к которым и в то время относились подобные современным процедурам судебные карательные приказы, предложение полиции отбыть наказание или уплатить штраф без передачи малозначительного дела в суд и др.), и критикуя их, И.В. Михайловский указал, что «гражданин может быть принудительным путем подвергнут стеснению или ограничению своих прав только независимым и авторитетным судом при соблюдении всех выработанных наукой гарантий правосудия», подобное положение автор назвал «величайшим из принципов общежития»¹⁵. Ординарный профессор Юрьевского университета П.П. Пусторослев в отзыве на диссертацию, руководствуясь материальными соображениями, отметил, что данное утверждение И.В. Ми-

хайловского «представляет собой несомненное преувеличение. Такого принципа не признает и не может признать ни одно культурное государство, если только оно действительно дорожит благосостоянием своего народа»¹⁶. Также, критикуя методику исследования, П.П. Пусторослев писал, что «наилучшие гарантии основательности и правомерности правосудия, как известно, не совместимы с наилучшими гарантиями быстроты. Ввиду этого, наука и культурные законодатели, строя уголовные суды и судопроизводство, предназначенные к отправлению уголовного правосудия по важным уголовным правонарушениям... отдают предпочтение наилучшим гарантиям основательности и правомерности правосудия и соединяют их, по мере возможности, с достаточными, но менее сильными гарантиями быстроты. Строя же уголовные суды и судопроизводство... по легким уголовным делам, наука и культурные законодатели... отдают преимущество наилучшим гарантиям быстроты правосудия и соединяют их с хорошими гарантиями основательности и правомерности»¹⁷.

Представляется, что в современный период, в связи с еще большим, чем во времена И.В. Михайловского и П.П. Пусторослева, усложнением и увеличением числа общественных отношений, вряд ли возможно обеспечить разрешение каждого уголовного дела, в том числе и малозначительного, судом и с соблюдением всех процессуальных гарантий. Оговоримся, что мы ведем речь о деятельности, в результате которой гражданин должен быть в случае установления его виновности привлечен к ответственности, а при отсутствии виновности оправдан, т.е. о правильном, справедливом разрешении дела, о правосудии.

Стоит подумать, необходимо ли судебное производство там, где суд в силу ограниченности предоставленных ему процессуальных средств не сможет принять обоснованное, спра-

быстрота правосудия

авторитет суда

гарантии правомерности

¹⁴ См.: Раскин А. Коротко об уголовном процессе Израиля. Хайфа, 2010. С. 24.

¹⁵ Михайловский И.В. К вопросу об упрощении суммарного уголовного процесса // Вестник права. 1903. Кн. 2–3. С. 16.

¹⁶ Пусторослев П.П. Отзыв о сочинении И.В. Михайловского «К вопросу об упрощении суммарного уголовного процесса» // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. Юрьев, 1903. С. 19.

¹⁷ Там же. С. 5.

ведливое, законное судебное решение, и не лучше ли будет при таких условиях отдать разрешение подобных вопросов в компетенцию прокурора. Отличие порядков, применяемых в Бельгии, Израиле и ряде других стран, в том, что решение о назначении штрафа либо о выполнении каких-либо действий принимается без участия суда. В этом есть определенное рациональное зерно. Да, гражданин может согласиться с необоснованным обвинением под влиянием каких-либо факторов — недостаточности средств, отсутствия веры в то, что органы государства разберутся в его деле, и т.д. Вместе с тем представляется, что выбор невелик: те же упреки в предвзятости и нежелании разбираться в обстоятельствах деяния гражданин может высказать и судье, не имеющему возможности установить реальную картину либо в результате большого объема работы, либо просто в силу отсутствия процессуальных механизмов исследования доказательств, и это гораздо более вредно для государства и для состояния правопорядка в обществе. (В связи с этим можно вспомнить не только нормы главы 51¹ УПК РФ, но и его главы 40 и 40¹, а также ст. 90.)

В конструкциях, которые применяет современный отечественный законодатель, логичнее, чтобы прокурор являлся определенным промежуточным звеном между обвиняемым и судом, разрешая в ряде случаев в том числе и вопросы, отнесенные ныне к категории судебных. Здесь, помимо очевидных, может возникнуть еще множество вопросов, наиболее важным из которых является то, какое отношение суд займет по отношению к прокурору: должен ли он быть по сути контрольным органом и «второй инстанцией», как, к примеру, во Франции, либо деятельность суда должна носить исключительно характер правосудия. Возможно и то и другое (и даже разумное сочетание разных видов деятельности). Нам более импонирует вариант, при котором гражданин, не согласный с предложением прокурора добровольно уплатить штраф либо выполнить иные позитивные постпреступные действия, имеет право настоять на рассмотрении его дела независимым, беспристрастным, не перегруженным работой и не ограниченным в своих возможностях судом, призванным качественно выполнять свою основную деятельность — осуществление правосудия. ■

Комиссия Совета судей Российской Федерации по связям с государственными органами, общественными организациями и средствами массовой информации при поддержке Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации провела июльское совещание в режиме онлайн, обсудив новые форматы взаимодействия со СМИ и дальнейшие планы в работе всех участников.

Евгений Александрович Шепелин, председатель Комиссии — председатель Смоленского областного суда, рассказал о результатах работы Комиссии за первое полугодие 2020 года.

Анастасия Михайловна Красотина, пресс-секретарь Вологодского областного суда, руководитель объединенной пресс-службы судов Вологодской области, поделилась опытом работы объединенной пресс-службы в непростых обстоятельствах, связанных с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19.

Представители Редакции журнала «Судья» также поделились с участниками совещания своими планами, которые были поддержаны членами Комиссии Совета судей России. Теперь мы анонсируем предстоящие мероприятия, которые будут проведены при поддержке Судебного департамента при Верховном Суде России. Это:

- **онлайн-марафон «Пресс.ДеньСудов».** В нашей стране действуют более 2000 судов, и каждый из них уникален — своей историей, своими сотрудниками, рассмотренными делами. «Расскажи о своем суде» — таков лозунг этого мероприятия, которое пройдет в формате интернет-включений представителей судов от Дальнего Востока до Калининграда с рассказом о событиях, истории, людях суда. Мы надеемся, что участие в марафоне будет интересно не только сотрудникам пресс-служб, но и многим нашим читателям.
- **«Суд-2020. Портрет современника».** Судьи, помощники, секретари... Кто именно представляет сегодня судебную власть в публичном пространстве, кто в значительной степени формирует образ суда в глазах общественного мнения? Ответы на эти и другие вопросы нам помогут найти сотрудники районных, областных, краевых и верховных судов. Собранный материал будет опубликован в журнале или представлен в тематической рубрике на сайте издания.

Принудительные работы как мера уголовного наказания

Александр Иванович Погорель
Орловский областной суд,
судья
г. Орел, Россия

Аннотация. В статье проанализирована практика назначения наказания в виде принудительных работ в свете разъяснений, содержащихся в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», и обозначены проблемы, возникающие при назначении этого вида уголовного наказания.

Ключевые слова: принудительные работы, назначение наказания, дополнительное наказание, замена наказания

Compulsory labour as a criminal sanction

Aleksandr Ivanovich Pogorely, Orel Regional Court, Judge, Orel, Russia

Annotation. The article analyses the practice of imposition of punishment in the form of compulsory labour in the light of the clarifications given on 22 December 2015 by the Plenary Supreme Court of the Russian Federation in its Ruling No. 58 "On the practice of imposition of criminal punishment by courts of the Russian Federation" and highlights the problems arising when this type of criminal punishment is imposed.

Keywords: compulsory labour, imposition of punishment, additional punishment, replacement of punishment

Наказание в виде принудительных работ введено в Уголовный кодекс Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»², однако применяется непродолжительное время – с 1 января 2017 г.

Как следует из пояснительной записки к законопроекту, принудительные работы вводятся в целях расширения возможности для суда назначать наказания, не связанные с лишением свободы³.

Согласно статистическим данным⁴, судьями Орловской области, а также судебной коллегией по уголовным делам Орловского областного суда за период с 2017 по 2019 год наказание в виде принудительных работ назначено 31 лицу (в 2019 году – 23 лицам, в 2018 году – 5 лицам, в 2017 году – 3 лицам).

В соответствии с частью 3 ст. 53¹ УК РФ принудительные работы заключаются в привлечении осужденного к труду в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы.

Согласно информации Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России) от 16 апреля 2019 г., на территории Российской Федерации создана система исправительных центров в 57 субъектах, состоящая из 14 исправительных центров (далее – ИЦ) и 43 участков исправительных учреждений, функционирующих как исправительные центры (далее – УФИЦ). В связи с вступлением в силу положений Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 540-ФЗ «О внесении изменений в статьи 53¹ и 80 Уголовного кодекса Российской Федерации»⁵ наблюдается значительное увеличение количества судебных решений о назначении наказания в виде принудительных работ, которое привело к пределу лимита наполнения осужденных мужского пола в

ИЦ (УФИЦ) 13 территориальных органов ФСИН России.

В Орловской области при Федеральном казенном учреждении «Колония-поселение № 3 УФСИН России по Орловской области» приказом ФСИН России от 14 декабря 2018 г. № 1306⁶ создан УФИЦ с лимитом наполнения 45 человек (13 женщин, 32 мужчины), который по состоянию на июнь 2019 года был заполнен на 78,1% от числа мест, предусмотренных для размещения осужденных мужского пола, а с учетом согласованных к прибытию из учреждений уголовно-исполнительной системы Орловской области и других регионов лимит наполнения лицами мужского и женского пола был исчерпан (письмо УФСИН России по Орловской области от 13 июня 2019 г.). Кроме того, переполненность УФИЦ сохраняется и в настоящее время, поскольку по состоянию на май 2020 года на учете состоит 48 осужденных⁷.

С учетом сведений о переполненности УФИЦ судьи осторожно подходят к назначению наказания в виде принудительных работ.

Причиной этому также могут быть и сложности, обусловленные недостатками самого закона. Так, в соответствии с частями 1, 2 ст. 53¹ УК РФ принудительные работы применяются как альтернатива лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ, за совершение преступления небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые. Если, назначив наказание в виде лишения свободы, суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы, он постановляет заменить такое наказание принудительными работами.

Согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 22¹ Постановления

¹ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Российская газета. 9 декабря 2011 г.

³ См.: Пояснительная записка к законопроекту № 559740-5. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/559740-5>

⁴ Данные приведены в соответствии с внутренней статистикой суда.

⁵ Российская газета. 29 декабря 2018 г.

⁶ Приказ ФСИН России от 14 декабря 2018 г. № 1306 «О создании изолированных участков, функционирующих как исправительные центры, при исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и внесении изменений в уставы федеральных казенных учреждений, подчиненных территориальным органам Федеральной службы исполнения наказаний» // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См.: http://57fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=506655

принудительные работы
замена наказания
дополнительное наказание

Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»⁸ (в редакции Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 декабря 2018 г. № 43⁹; далее – Постановление № 58), исходя из положений части 1 ст. 53¹ УК РФ, при назначении наказания принудительные работы применяются как альтернатива лишению свободы, лишь когда совершено преступление небольшой или средней тяжести либо впервые тяжкое преступление и только когда данный вид наказания наряду с лишением свободы прямо предусмотрен санкциями соответствующих статей Особенной части УК РФ.

Вместе с тем возникает вопрос о возможности назначения принудительных работ в тех случаях, когда этот вид наказания не предусмотрен санкцией статьи УК РФ (например, ч. 1, 2 ст. 111, ч. 2 ст. 117, ч. 3 ст. 127 УК РФ).

В практической деятельности суды нередко обсуждают в описательно-мотивировочной части приговора вопрос о возможности замены лишения свободы принудительными работами в порядке части 2 ст. 53¹ УК РФ по тем преступлениям, за совершение которых в статьях Особенной части УК РФ не предусмотрено назначение принудительных работ, поскольку при постановлении приговора суд обязан разрешить вопрос о том, имеются ли основания для замены наказания в виде лишения свободы принудительными работами в случаях и порядке, установленных статьей 53¹ УК РФ (п. 7¹ ч. 1 ст. 299 УПК РФ).

Так, Кромской районный суд Орловской области признал К. виновным в совершении преступления, предусмотренного пунктом «э» ч. 2 ст. 111 УК РФ, и назначил наказание в виде 3 лет лишения свободы в исправительной колонии общего режима. Проанализировав степень тяжести и общественную опасность совершенного преступления, сведения о личности виновного, суд констатировал, что оснований для замены наказания в виде лишения свободы на принудительные работы в соответствии с частью 2 ст. 53¹ УК РФ нет (в санкции ч. 2 ст. 111

УК РФ предусмотрен лишь один вид основного наказания – лишение свободы)¹⁰.

На наш взгляд, данный вопрос требует толкования Пленумом Верховного Суда Российской Федерации.

В правоприменительной практике Орловской области имели место случаи, когда суды сразу назначали принудительные работы, хотя оба вида наказания (и принудительные работы, и лишение свободы) были предусмотрены санкцией статьи УК РФ. Так, Советский районный суд г. Орла, признав С. виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей 264¹ УК РФ, сразу назначил ему наказание в виде принудительных работ сроком на 1 год с удержанием из заработной платы 10% в доход государства с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на срок 2 года 6 месяцев на основании части 3 ст. 47 УК РФ¹¹. Наказание в виде лишения свободы предварительно судом не назначалось. В апелляции в том же порядке приговор в отношении С. не обжаловался. Президиум Орловского областного суда по кассационному представлению заместителя прокурора Орловской области приговор в отношении С. отменил и направил уголовное дело на новое судебное рассмотрение, указав в том числе, что суд первой инстанции в нарушение положений статьи 53¹ УК РФ не принял решение о назначении С. наказания в виде лишения свободы¹².

Аналогичные решения приняты при постановлении приговора в отношении М., осужденного по части 2 ст. 167 УК РФ к 6 месяцам принудительных работ с удержанием из заработной платы 10% в доход

¹⁰ Приговор Кромского районного суда Орловской области от 3 июля 2019 г. URL: https://kromskoy--orl.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=7909920&deloid=1540006&new=&text_number=1

¹¹ Приговор Советского районного суда г. Орла от 22 марта 2019 г. URL: https://sovetsky--orl.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2593043&deloid=1540006&new=&text_number=1

¹² Постановление Президиума Орловского областного суда от 25 июля 2019 г. URL: https://obisud--orl.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=da558bf2-bd2e-4800-a315-5c2d1daf0605&deloid=4&_caseType=&new=2450001&_doc=1&srv_num=1&hideJudge=0

⁸ Российская газета. 29 декабря 2015 г.

⁹ Российская газета. 26 декабря 2018 г.

государства¹³, и Б., осужденного по пункту «а» ч. 3 ст. 158, пункту «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ с применением части 3 ст. 69 УК РФ к 2 годам 6 месяцам принудительных работ с удержанием из заработной платы 10% в доход государства¹⁴ (в апелляционном и кассационном порядке эти решения не обжаловались).

Между тем другие суды соблюдают особый порядок назначения наказания в виде принудительных работ, предусмотренный частью 2 ст. 53¹ УК РФ, и применяют этот вид наказания лишь в порядке замены лишения свободы.

Следует отметить, что в санкциях ряда статей Особенной части УК РФ при наличии наказания в виде принудительных работ лишение свободы вообще отсутствует (например, санкции ч. 1 ст. 159¹, ч. 1 ст. 159², ч. 1 ст. 159³, ч. 1 ст. 159⁶, ч. 1 ст. 200¹, ч. 1 ст. 207 УК РФ). В этом случае, исходя из положений закона, наказание в виде принудительных работ не может быть назначено.

На это также обратил внимание судья Верховного Суда Российской Федерации О.К. Зателепин в выступлении 13 февраля 2019 г. при подведении итогов работы судов общей юрисдикции и арбитражных судов за 2018 год.

Представляется, что отсутствие решения этого вопроса может отразиться и на правоприменительной практике.

В соответствии с пунктом 22² Постановления № 58 в резолютивной части приговора вначале следует указать на назначение наказания в виде лишения свободы на определенный срок, а затем – на замену лишения свободы принудительными работами. При этом ничего не говорится о сроках принудительных работ.

Как отметил судья Верховного Суда Российской Федерации О.К. Зателепин, замена лишения свободы на определенный срок принудительными работами должна осуществляться на тот же срок, а именно 3 года на 3 года, 4 года на 4 года, 5 лет на 5 лет. Между тем в санкциях не-

которых статей принудительные работы имеют больший срок, чем лишение свободы (например, санкции ч. 2 ст. 121, ч. 1 ст. 135, ч. 2 ст. 159¹ УК РФ). Так, за преступление, предусмотренное частью 2 ст. 121 УК РФ, принудительные работы назначаются на срок до 5 лет, а лишение свободы – на срок до 2 лет. По мнению судьи О.К. Зателепина, в данном случае срок принудительных работ должен быть равен сроку лишения свободы, т.е. в указанном примере он не может превышать 2 лет.

Кроме того, назначение принудительных работ свыше назначенного срока лишения свободы невозможно, поскольку в соответствии с частью 6 ст. 53¹ УК РФ при уклонении осужденного от отбывания принудительных работ они заменяются лишением свободы из расчета один день лишения свободы за один день принудительных работ. В противном случае может сложиться ситуация, когда при уклонении осужденного от отбывания принудительных работ они могут быть заменены на лишение свободы на срок больший, чем предусматривает санкция статьи Особенной части УК РФ.

Следует также отметить, что в санкциях ряда статей Особенной части УК РФ принудительные работы имеют меньший срок, чем лишение свободы (например, санкции ч. 3 ст. 174¹, ч. 4 ст. 180, ч. 1 ст. 184, ч. 1 ст. 225 УК РФ). Так, за преступление, предусмотренное частью 3 ст. 174¹ УК РФ, принудительные работы назначаются на срок до 3 лет, а лишение свободы – на срок до 5 лет. По мнению О.К. Зателепина, таких ситуаций вообще быть не должно, но в данном случае выход видится один – назначать лишение свободы в пределах срока принудительных работ. Таким образом, в этом примере по части 3 ст. 174¹ УК РФ надо назначить лишение свободы на 3 года и заменить принудительными работами на срок 3 года.

На этот пробел в законодательстве было обращено внимание Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству в решении от 30 августа 2011 г. № 149 (5) по проекту Федерального закона № 559740-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», в котором гово-

¹³ Приговор Орловского районного суда Орловской области от 19 февраля 2018 г. URL: https://orlovsky--orl.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=7101454&delo_id=1540006&new=&text_number=1

¹⁴ Приговор Заводского районного суда г. Орла от 4 июля 2017 г. URL: https://zavodskoy--orl.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=12180975&delo_id=1540006&new=&text_number=1

сроки работ
сроки лишения свободы
уклонение осужденного

рится: «Санкции в виде лишения свободы ряда тяжких преступлений, на которые законопроект предполагается распространить новый вид наказания в виде принудительных работ, превышает пять лет, соответственно, должны исключать такое наказание в качестве альтернативы по данным составам преступлений (ст. 180 УК РФ)»¹⁵.

На наш взгляд, сложившаяся ситуация требует разъяснений Верховным Судом Российской Федерации или внесения соответствующих изменений в УК РФ.

В ряде случаев законодатель предусмотрел возможность назначения наряду с принудительными работами дополнительных наказаний в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а также в виде ограничения свободы. Однако дополнительное наказание, назначаемое с принудительными работами, нередко не совпадает с дополнительным наказанием, предусмотренным санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ с лишением свободы.

Так, за преступление, предусмотренное частью 1 ст. 163 УК РФ, принудительные работы могут назначаться с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком до 2 лет, а лишение свободы предусматривает дополнительное наказание лишь в виде штрафа. Санкция части 3 ст. 158 УК РФ предусматривает принудительные работы с ограничением свободы сроком до 1,5 лет, а лишение свободы — со штрафом и ограничением свободы сроком до 1,5 лет. Возникает вопрос: какое дополнительное наказание следует назначать при замене лишения свободы на принудительные работы в таких случаях?

И.И. Сюбаев полагает, что, поскольку в соответствии с санкциями вышеуказанных статей назначение основного наказания в виде лишения свободы возможно и без дополнительного наказания, на практике можно не назначать дополнительное наказание, но тогда назначение наказания не будет отвечать его общим целям и принципам, закрепленным в статьях 6, 43, 60 УК РФ¹⁶.

¹⁵ <https://sozd.duma.gov.ru/bill/559740-5>

¹⁶ См.: Сюбаев И.И. Проблемы назначения наказания в виде принудительных работ // Уголовное право. 2017. № 3. С. 80–83.

В соответствии с пунктом 7¹ ч. 1 ст. 299 УПК РФ при постановлении обвинительного приговора суд обязан разрешить вопрос о том, имеются ли основания для замены наказания в виде лишения свободы принудительными работами в случаях и порядке, установленных статьей 53¹ УК РФ. При их наличии суд должен привести мотивы, по которым пришел к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы и применения положений статьи 53¹ УК РФ (п. 22² Постановления № 58).

В судебной практике Орловской области имели место случаи, когда суды не обсуждали вопрос о том, имеются ли основания для замены наказания в виде лишения свободы принудительными работами в порядке, установленном статьей 53¹ УК РФ.

Ввиду невыполнения судом первой инстанции указанных требований закона изменен приговор Хотынецкого районного суда Орловской области от 28 декабря 2018 г. в отношении К., осужденного по части 2 ст. 167 УК РФ к 1 году 6 месяцам лишения свободы¹⁷, и приговор Урицкого районного суда Орловской области от 10 января 2019 г. в отношении С., осужденного по пункту «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ к 1 году лишения свободы¹⁸. С учетом личности каждого из осужденных, тяжести преступлений, а также иных обстоятельств, имеющих правовое значение при решении данного вопроса, суд апелляционной инстанции принял решение о замене назначенного наказания в виде лишения свободы принудительными работами на тот же срок^{19, 20}.

¹⁷ Приговор Хотынецкого районного суда Орловской области от 28 декабря 2018 г. URL: https://notynecky--ori.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=14861456&delo_id=1540006&new=&text_number=1

¹⁸ Приговор Урицкого районного суда Орловской области от 10 января 2019 г. URL: https://uricky--ori.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=4353368&delo_id=1540006&new=&text_number=1

¹⁹ Апелляционное постановление Орловского областного суда от 19 февраля 2019 г. URL: https://oblsud--ori.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&uid=b1dde001-adcf-40d8-9818-1bef36eda598&deloid=1540006&_caseType=0&_new=4&_doc=1&srv_num=13_nodeJudge=0

²⁰ Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Орловского

дополнительно наказание

замена наказания

рецидив преступлений

Анализ практики назначения наказания в виде принудительных работ свидетельствует, что суды нередко считают возможным заменять наказание в виде лишения свободы принудительными работами в порядке части 2 ст. 53¹ УК РФ при наличии в действиях виновного рецидива преступлений, а также неснятой и непогашенной судимости. Так, Орловский районный суд Орловской области, признав ранее судимого и отбывавшего наказание в виде лишения свободы за тяжкое преступление Л. виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей 264¹ УК РФ, и назначив наказание в виде 9 месяцев лишения свободы с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на срок 2 года 6 месяцев, заменил на основании части 2 ст. 53¹ УК РФ назначенное наказание на 9 месяцев принудительных работ с удержанием 10% из заработной платы в доход государства с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на срок 2 года 6 месяцев²¹.

Хотынецкий районный суд Орловской области, признав ранее судимого и отбывавшего наказание в виде лишения свободы за преступление небольшой тяжести Г. виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 ст. 157 УК РФ, и назначив наказание в виде 4 месяцев лишения свободы, заменил на основании части 2 ст. 53¹ УК РФ назначенное наказание на 4 месяца принудительных работ с удержанием 10% из заработной платы в доход государства²².

Представляется, что такие решения судов небесспорны, однако в Поста-

новлении № 58 эта ситуация не проясняется.

Полагаем, что если лицо, ранее отбывавшее наказание в виде лишения свободы, совершает новое преступление при неснятой или непогашенной судимости, то это свидетельствует о его недостаточном исправлении, о том, что предыдущее наказание не оказало на него должного воспитательного воздействия. В таких обстоятельствах замена наказания в виде лишения свободы принудительными работами в порядке части 2 ст. 53¹ УК РФ нецелесообразна и не будет соответствовать принципу справедливости.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что наиболее простым и эффективным способом совершенствования уголовного закона видится исключение из статьи 53¹ УК РФ указания о том, что принудительные работы назначаются в порядке замены лишения свободы.

На несовершенство части 1 ст. 53¹ УК РФ также было обращено внимание Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству в решении от 30 августа 2011 г. № 149 (5), в котором было указано, что «нуждается в доработке часть первая проектной статьи 53¹ УК РФ, устанавливающая, что наказание в виде принудительных работ применяется как альтернатива лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими частями Особенной части УК РФ. При этом предлагаемые изменения в статьях 44, 45 УК РФ и в санкции ряда статей Особенной части УК РФ свидетельствуют о том, что принудительные работы являются самостоятельным видом наказания. Кроме того, прямое указание на альтернативность данного вида наказания представляется излишним, поскольку санкции в статьях являются альтернативными по отношению друг к другу»²³.

Надеемся, что ответы на некоторые возникающие в судебной практике вопросы, упомянутые в настоящей статье, не останутся без внимания и будут учтены в правоприменительной деятельности и законодателем. □

²³ <https://sozd.duma.gov.ru/bill/559740-5>

областного суда от 12 марта 2019 г. URL: https://oblsud--orl.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&uid=7d8d3f49-9c28-4583-995c-c8f5318b2ed1&deloid=1540006&caseType=0&_new=4&_doc=1&srv_num=1&hideJudge=0

²¹ Приговор Орловского районного суда Орловской области от 5 ноября 2019 г. URL: https://orlovsky--orl.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=8940962&deloid=1540006&_new=&text_number=1

²² Приговор Хотынецкого районного суда Орловской области от 6 августа 2019 г. // Документ опубликован не был. Источник – архив Хотынецкого районного суда Орловской области.

Присоединение неотбытого по первому приговору дополнительного наказания к наказанию, назначенному

по последнему приговору суда

Сергей Владимирович Скрипов

Суд Ямало-Ненецкого автономного округа,
судья
г. Салехард, Россия

Аннотация. Назначение наказания по совокупности приговоров является важным инструментом уголовного права, так как в нем в наибольшей степени реализуется принцип справедливости, требующий при назначении наказания учитывать данные о личности преступника. Однако в теории и правоприменительной практике остается без достаточного внимания вопрос о присоединении к вновь назначенному основному наказанию неотбытого по предыдущему приговору дополнительного наказания.

Ключевые слова: принцип справедливости, личность преступника, совокупность приговоров, присоединение дополнительного наказания

Addition of the additional sanction, imposed by a first judgment and not served, to the main sanction, imposed by a last judgment

Sergey Vladimirovich Skripov, Yamalo-Nenetskiy Regional Court, Judge, Salekhard, Russia

Annotation. Imposition of punishment with cumulative sentences is an important instrument of criminal law, since it serves at the most the principle of justice, which requires taking into consideration the criminal's personality when imposing punishment. However, the theory and the practice do not pay due attention to the issue of addition of the additional sanction, imposed by a first judgment and not served, to the main sanction, imposed by a last judgment

Keywords: principle of justice, criminal's personality, cumulative sentences, addition of the additional sanction

Одним из основополагающих принципов уголовного права Российской Федерации является принцип справедливости. Будучи закрепленным в статье 6 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ), этот принцип требует, чтобы наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, были справедливыми, т.е. соответствовали характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Справедливое наказание выступает одним из критериев правосудности приговора. Допущенная при назначении наказания ошибка подлежит исправлению судом апелляционной инстанции, в том числе путем усиления наказания при наличии соответствующих требований в апелляционном представлении прокурора (государственного обвинителя) или в апелляционной жалобе потерпевшего².

Как справедливо отмечают Т.Г. Черненко и Н.В. Суворова, совершение лицом нового преступления после осуждения за предыдущее, но до полного отбытия наказания, за него назначенного, свидетельствует о повышенной опасности этого лица в сравнении не только с первичными преступниками, но и с лицами, совершившими несколько преступлений, не будучи осужденными. Совершение нового преступления осужденным лицом говорит о том, что оно не сделало для себя выводов из факта предшествующего осуждения, что цели исправления преступника и специальной превенции в его отношении не достигнуты³.

Действительно, уголовный закон требует при назначении наказания таким

лицам учитывать обстоятельства предыдущего осуждения (ч. 2 ст. 60 УК РФ) и причины, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным (ч. 1 ст. 68 УК РФ). Следовательно, правила назначения наказания рассматриваемой категории лиц в уголовном законе должны быть сконструированы таким образом, чтобы не оставить без внимания повышенную общественную опасность личности преступника и назначить наказание, в наибольшей степени способствующее его исправлению и достижению иных целей наказания. Говоря проще, факт совершения осужденным нового преступления обуславливает более строгий подход к назначению наказания⁴.

Преследуя названные задачи, законодатель в части 4 ст. 70 УК РФ императивно определил, что окончательное наказание по совокупности приговоров должно быть больше как наказания, назначенного за вновь совершенное преступление, так и неотбытой части наказания по предыдущему приговору суда. Несоблюдение этого императива означает необоснованное поощрение преступника, совершившего новое преступление в период отбывания наказания по ранее постановленному в отношении него приговору суда.

Однако если в отношении назначения по совокупности приговоров основного наказания предписанные правила в основе своей соблюдаются, то когда речь заходит о присоединении дополнительного наказания, неотбытого по первому приговору, но не назначавшегося по вновь постановленному, до настоящего времени, как показывает практика, имеются разночтения.

По приговору Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 25 октября 2019 г. К., который 18 апреля 2017 г. был осужден по статье 264¹ УК РФ к 8 месяцам лишения свободы с лишением права управления транспортными средствами на срок 2 года 8 месяцев и отбыл наказание в виде лишения свободы 15 декабря 2017 г., был осужден по пункту «Г»

¹ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2017 г. № 776-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Саложникова Сергея Валерьевича на нарушение его конституционных прав пунктами 3 и 9 части первой статьи 389²⁰, статьей 389²³ и частью первой статьи 389²⁴ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Черненко Т.Г., Суворова Н.В. О некоторых вопросах назначения наказания по совокупности приговоров // Вестник КемГУ. 2013. № 3. Т. 1. С. 302.

⁴ См.: Мягков А.С. Отдельные проблемы, возникающие при применении норм статьи 70 УК РФ // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2013. № 2. С. 98–101.

личность преступника
совокупность приговоров
присоединение наказания

ч. 3 ст. 158 УК РФ к 2 годам лишения свободы. В соответствии со статьей 70 УК РФ к назначенному наказанию частично присоединена неотбытая часть дополнительного наказания по предыдущему приговору и окончательно назначено наказание в виде 2 лет лишения свободы с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на срок 10 месяцев. При этом неотбытый размер дополнительного наказания по первому приговору составлял 10 месяцев 19 дней, на что указывал в апелляционном представлении государственный обвинитель и ставил вопрос об усилении окончательно назначенного дополнительного наказания по тем основаниям, что оно было необоснованно смягчено при применении правил статьи 70 УК РФ. Судебная коллегия с доводами прокурора не согласилась, отметив, что суд выполнил требования части 1 ст. 70 УК РФ⁵.

Не всегда должное внимание этой проблеме уделяется и учеными исследователями. Так, Т.Г. Черненко и Н.В. Суворова, определяя круг лиц, наказание которым должно назначаться по правилам статьи 70 УК РФ, вовсе не включают в него отбывших назначенное по первому приговору основное наказание, но не отбывших все еще исполнявшееся на момент совершения нового преступления дополнительное наказание, указывая, что названные правила применяются к лицам, (а) отбывающим реальное наказание и совершившим в этот период новое преступление; (б) условно осужденным, совершившим новое преступление во время испытательного срока; (в) лицам, в отношении которых была применена отсрочка отбывания наказания, совершившим преступление в период отсрочки; (г) условно-досрочно освобожденным от наказания, совершившим новое преступление в период неотбытой части наказания; (д) лицам, которым была предоставлена отсрочка исполнения приговора на основании статьи 398 Уголовно-процес-

суального кодекса Российской Федерации⁶ (например, вследствие болезни осужденного)⁷.

Вместе с тем имеется и другой подход, представляющийся нам более правильным.

Часть 4 ст. 70 УК РФ не содержит никаких изъятий касательно применения изложенных в ней правил к присоединяемому дополнительному наказанию. Об этом же, по сути, говорит Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пунктах 56, 60 Постановления от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»⁸, разъясняя порядок назначения дополнительного наказания по совокупности приговоров.

Уголовный закон не допускает сложения основного и дополнительного наказаний, не предусматривая правил такого сложения, как это имеет место для сложения основных наказаний (ст. 71–72 УК РФ). Напротив, в части 4 ст. 69 УК РФ, к которой корреспондируют части 4–5 ст. 70 УК РФ, прямо указано, что дополнительное наказание присоединяется к основному. Лишь при назначении за два или более преступлений одного и того же вида дополнительного наказания окончательный его срок или размер определяется путем сложения.

При этом, как уже говорилось выше, наказание, назначенное по совокупности приговоров, по своему сроку или размеру не может быть меньше как назначенного наказания по вновь постановленному приговору, так и наказания, неотбытого по предыдущему приговору суда (ч. 4 ст. 70 УК РФ). Смягчение наказания в порядке применения положений статей 69, 70 УК РФ противоречило бы правовой природе этих норм, исходя из их места в системе нормативных предписаний, не являющихся льготными.

По аналогичным мотивам судебной коллегией по уголовным делам суда Ямало-Ненецкого автономного округа был изменен приговор Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 27 июля 2018 г., по которому С., 11 января 2016 г. осужденный

⁵ См.: апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 19 декабря 2019 г. по делу № 22-1218/2019 // Архив Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа.

⁶ Российская газета. 22 декабря 2001 г.

⁷ См.: Черненко Т.Г., Суворова Н.В. Указ. соч. С. 303.

⁸ Российская газета. 29 декабря 2015 г.

по пункту «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ к 2 годам 6 месяцам лишения свободы с ограничением свободы на срок 1 год и отбывший основное наказание 4 мая 2018 г., к отбыванию дополнительного наказания не приступивший, был осужден по части 1 ст. 131 УК РФ к 3 годам лишения свободы. В соответствии со статьей 70 УК РФ по совокупности приговоров путем частичного присоединения к назначенному наказанию неотбытой части наказания по предыдущему приговору окончательно С. было назначено наказание в виде 3 лет лишения свободы с ограничением свободы на срок 8 месяцев. С этим не согласился заместитель прокурора города. Находя приговор постановленным с неправильным применением уголовного закона — нарушением требований статьи 70 УК РФ, прокурор просил усилить дополнительное наказание, указывая на нарушение осужденным условий и порядка его отбывания, в силу чего оно так и не начало исполняться до дня совершения нового преступления, но было необоснованно смягчено судом. Как отметил суд апелляционной инстанции, согласившийся с доводами прокурора, в нарушение требований частей 4–5 ст. 70 УК РФ в их системном единстве с положениями части 4 ст. 69 УК РФ суд допустил

сложение основного и дополнительного наказания и назначил дополнительное наказание в виде ограничения свободы в размере меньшем, чем неотбытая его часть по предыдущему приговору. При таких обстоятельствах окончательное наказание С. в соответствии со статьей 70 УК РФ следует назначить по совокупности приговоров путем полного присоединения к назначенному наказанию дополнительного наказания по приговору от 11 января 2016 г.⁹

Предлагаемая и поддерживаемая нами позиция в наибольшей степени отвечает буквальному смыслу правил уголовного закона о назначении наказания по совокупности приговоров, задачам назначения справедливого наказания с учетом как характера и степени общественной опасности нового преступления, обстоятельств его совершения, так и личности виновного, для которого исправительного воздействия предыдущего наказания оказалось недостаточно. ■

⁹ См.: апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 15 октября 2018 г. по делу № 22-830/2018 // Архив Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа.

Определение сложности дела

Вопрос рационального использования рабочего времени в условиях большого объема дел, необходимых к рассмотрению, стоит как перед рядовым судьей, так и перед руководством судебной системы. Как дать оценку сложности дела, сколько времени может уйти на рассмотрение тех или иных категорий дел? Поиск адекватных методик ведется давно, и работа, проведенная Европейской комиссией по эффективности правосудия Совета Европы (ССЈЕ) в этой области, заслуживает внимания.

Комиссия опубликовала доклад, в котором предпринята попытка найти релевантные методы по оценке сложности судебного дела с учетом определения объема рабочих действий и детализации времени, необходимого на его рассмотрение. В результате в случае успешной реализации методики, предложенной Комиссией, она может быть использована на практике как в глобальном измерении — при определении кадровых и бюджетных ресурсов в судах, так и в конкретных случаях — при распределении и учете судебной нагрузки судей. Проведенные исследования в судебных системах шести стран (Австрии, Дании, Эстонии, Германии, Румынии и Нидерландов) позволили Комиссии сформулировать 12 рекомендаций по внедрению системы оценки временных затрат на рассмотрение дел в суде. Среди основных выводов — необходимость активного участия судей в данном процессе, поскольку это сможет повысить доверие судей к методологии и результатам исследований. Помимо непосредственного участия судей в вопросе оценки и собственной рабочей нагрузки, важно и формирование Консультативного комитета, который будет включать в себя судей из судов различных инстанций, субъектов и юрисдикций, что позволит коллегам оценить изменение нагрузки от особенностей самой структуры и организации судебной системы. Отдельно стоит отметить рекомендацию Комиссии в отношении формирования исследовательской базы, для чего потребуется определить типы судебных дел, подлежащих оценке, детализировать трудовые и временные затраты по категориям дел, собрать информацию, релевантную объекту исследования в электронном виде, определить объем ручной выборки по категориям дел. В любом случае необходимо учитывать уровень готовности судей к участию в долгосрочной исследовательской работе по оценке сложности дел. С самим докладом можно ознакомиться на сайте Комиссии www.coe.int/cjje.

Редакция планирует подготовить перевод этого материала и опубликовать в ближайших выпусках журнала «Судья».

Экономическая реабилитация бизнеса

Алексей Александрович Рябов

Экспертно-правовой центр Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, руководитель

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», эксперт проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики, кандидат юридических наук, доцент
г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема возмещения вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием, лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность. Затрагивается вопрос необходимости внедрения в законодательство и правоприменение действенного механизма экономической реабилитации бизнеса, построенного на условиях полного возмещения как ущерба, так и упущенной выгоды. Делаются выводы о необходимости дополнения пункта 1 ст. 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации положением о возмещении вреда не только гражданам, но и организациям, если вред связан с уголовным преследованием контролирующих их лиц.

Ключевые слова: незаконное уголовное преследование, возмещение вреда, деликтная ответственность, реабилитация, ПРЕКОП

Economic rehabilitation of business

Aleksey Aleksandrovich Ryabov, Expert and Legal Centre of the Representative of the President of the Russian Federation for the protection of the rights of entrepreneurs, Head, National Research University « Higher School of Economics », Expert of Anti-corruption Policy Research Laboratory, Candidate of Laws, Associate Professor, Moscow, Russia

Annotation. The article focuses on the problem of redress for damage inflicted as a result of illegal criminal prosecution on individuals conducting entrepreneurial activities. It tackles the issue of necessity to establish by law and apply effective mechanism of economic rehabilitation of business, based on the conditions of full compensation of both damages and lost income. The conclusion is drawn about the necessity to complement Article 1070(1) of the Civil Code of the Russian Federation with a provision about redress due both to citizens and legal entities if damage is caused by illegal criminal prosecution in respect of individuals who are in control of those entities.

Keywords: illegal criminal prosecution, redress for damage, liability for damage, rehabilitation, Project «Protection of the rights of entrepreneurs in the Russian Federation from corruption practices»

Результаты анализа обращений, поступающих в адрес уполномоченных по защите прав предпринимателей, а также проведенного Федеральной службой охраны Российской Федерации опроса мнения экспертов о защите прав предпринимателей свидетельствуют о том, что, несмотря на принимаемые меры, в том числе изменения, внесенные в уголовно-процессуальное законодательство, и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, бизнес не считает себя защищенным от необоснованного уголовного преследования. 68% обращений, связанных с уголовным преследованием, содержат жалобы на неправомерное возбуждение уголовного дела. Причинами возбуждения большинства уголовных дел предприниматели называют конфликт с другими предпринимателями (37,6%) и личный интерес сотрудников правоохранительных органов и иных органов исполнительной власти (41,3%). Продолжает оставаться актуальной проблема перевода гражданско-правовых споров в уголовно-правовую плоскость. Нередки случаи разрешения корпоративных конфликтов посредством уголовного преследования. Одна из наиболее болезненных проблем в этой области связана с попытками новых участников, акционеров, руководителей коммерческой организации привлечь к уголовной ответственности прежнего руководителя компании за действия, совершенные им в пределах своей дискреции в период осуществления полномочий¹.

Принципиально важным моментом в вопросе защищенности предпринимателей в случаях незаконного уголовного преследования является наличие действенного механизма экономической реабилитации бизнеса, а также самих предпринимателей, контролирующих организации лиц, подвергшихся незаконному уголовному преследованию. Здесь, к сожалению, ситуация далека от идеала. Причем в значительной степени это связано с теми факторами, которые лежат вне сферы правоприменения и не зависят от надлежащей работы судеб-

ных органов, но не учитывать эти факторы нельзя.

Отсутствие работоспособного механизма реабилитации предпринимателей можно назвать родовой травмой российского права – преемника права советского. Последнему, как хорошо было показано Г.В. Григорян², так и не удалось создать полноценный и эффективный институт реабилитации в части возмещения вреда, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов.

В соответствии со статьей 407 Гражданского кодекса РСФСР 1922 года (далее – ГК 1922 года)³ за вред, причиненный неправильными служебными действиями должностного лица, отвечали сами государственные учреждения и только в случаях, особо указанных законом. Специальный закон принят не был, и норма осталась фактически недействующей.

Статьей 89 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 года (далее – Основы 1961 года)⁴ ответственность учреждений за вред, причиненный неправильными служебными действиями их должностных лиц в области административного управления, устанавливалась на общих основаниях, если иное не предусмотрено законом. При этом вопрос об ответственности за действия должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда были в Основах 1961 года (ч. 2 ст. 89) решен аналогично статье 407 ГК 1922 года. Случаи, в которых такая ответственность наступала, и ее пределы должны были предусматриваться специальным законом, который отсутствовал, что также влекло бездействие части 2 ст. 89 Основ 1961 года.

В статье 58 Конституции СССР 1977 года⁵ была закреплена обязанность возмещать гражданам ущерб, причиненный актами власти. 18 мая 1981 года Президиум Верховного Совета СССР на

² См.: Григорян Г.В. Проблема возмещения вреда, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов // Общество и право. 2009. № 3. С. 69–71.

³ Известия ВЦИК. 12 ноября 1922 г.

⁴ Ведомости ВС СССР. 1961. № 50. Ст. 525.

⁵ Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

¹ См.: Доклад Президенту Российской Федерации – 2020 Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей. URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2020.html

деликтная ответственность
возмещение вреда
уголовное преследование

основании статьи 58 Конституции СССР выпустил Указ «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей»⁶. В Основах гражданского законодательства СССР 1991 года⁷ предусматривалось, что вред, причиненный гражданину и юридическому лицу в результате незаконной деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, возмещается на общих основаниях. Это положение можно считать отправной точкой для развития современного правового регулирования деликтных обязательств в данной сфере.

Фундаментом современного правового регулирования отношений, связанных с возмещением вреда, причиненного органами власти, является статья 53 Конституции Российской Федерации⁸ (далее – Конституция РФ), которая устанавливает, что каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Это общее правило соответствует пункту 5 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (далее – Конвенция)⁹, в соответствии с которым каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений данной статьи, имеет право на компенсацию. В силу части 4 ст. 15 Конституции РФ Конвенция является составной частью правовой системы Российской Федерации.

Названные правила конкретизированы в статье 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹⁰, пункт 1 которой устанавливает, что вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения за-

ключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного ареста, а также вред, причиненный юридическому лицу в результате незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности, возмещается за счет казны Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законом, за счет казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в порядке, установленном законом.

К сожалению, в части защиты интересов субъектов предпринимательской деятельности эта статья содержит существенный пробел. Связано это с тем, что при незаконном уголовном преследовании лиц, контролирующих коммерческие организации (руководителей, участников, акционеров и т.д.), вред причиняется не только таким гражданам, но и организациям, осуществляющим предпринимательскую деятельность. Нередки случаи, когда уголовное преследование контролирующих лиц инициируется именно для того, чтобы нанести удар по деятельности юридического лица. Однако правила о возмещении вреда, причиненного организации незаконным уголовным преследованием ее контролирующего лица, в статье 1070 ГК РФ, к сожалению, нет. Во избежание неопределенности ее пункт 1 целесообразно дополнить соответствующим положением. До этого, по нашему мнению, вред, причиненный такой организации, может возмещаться на основании общего правила, предусмотренного статьей 1069 ГК РФ, а иное противоречило бы базовому принципу деликтного права о полном возмещении вреда (п. 1 ст. 1064 ГК РФ), исключения из которого должны быть прямо установлены в законе.

Понятие «вред» охватывает любые отрицательные последствия поведения причинителя вреда – как имущественные, так и неимущественные. Имущественный вред, причиняемый субъектам предпринимательской деятельности, как правило, гораздо более сложный

⁶ Ведомости ВС СССР. 1981. № 21. Ст. 741.

⁷ Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 26. Ст. 733.

⁸ СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

⁹ СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.

¹⁰ СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

по своей природе, чем вред, причиняемый простому гражданину. Исследование, проведенное автором настоящей статьи в рамках программы Совета Европы «ПРЕКОП-II» («Защита предпринимателей в Российской Федерации от коррупционных практик»), показало, что предприниматели мало рассчитывают на полную имущественную реабилитацию бизнеса после рейдерских атак, совершаемых с использованием правоохранительных инструментов, а также в иных случаях причинения бизнесу вреда незаконным уголовным преследованием. Главная причина такого положения дел – сложность в доказывании конкретного размера вреда, а также причинно-следственной связи между вредом и незаконными действиями правоохранительных органов. Как правило, удается возместить лишь прямой ущерб, причиненный контролирующим лицам (в том числе на основании норм уголовно-процессуального законодательства о реабилитации (глава 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹¹; далее – УПК РФ)), а это лишь незначительная часть их потерь.

Расчет упущенной предпринимательской выгоды (потеря прибыли, капитализации, перспектив экономического развития и т.п.) крайне сложен сам по себе. На предпринимательскую деятельность воздействует сложный комплекс разнообразных факторов, и незаконное уголовное преследование лишь один из них. Установить прямую причинно-следственную связь между частью убытков, недополученной прибыли, потерь в капитализации с уголовным преследованием, выделить действие этого фактора на экономический результат из системы иных факторов (рыночной конъюнктуры, правильности действий менеджмента, государственных мер чрезвычайного характера) – крайне сложная задача, для решения которой потребуются высококвалифицированная и дорогая экономическая экспертиза. Пострадавшие предприниматели, особенно те, которые лишились своего бизнеса, как правило, не могут себе позволить большие судебные расходы и руководствуются принципом «проще все начать с нуля».

Судебная практика также ориентирована на возмещение прямого ущерба, причем в ряде случаев судебное толкование нормы пункта 1 ст. 1070 ГК РФ окзывается таким, что ничего, кроме причиненного гражданину прямого ущерба, возмещаться не должно. Как подчеркивается в Обзоре практики рассмотрения судами Московской области споров о возмещении вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда 2016 года¹², в результате противоправной процессуальной деятельности должностных лиц соответствующих орга-

Каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц

нов гражданину или юридическому лицу может быть нанесен ущерб. В частности, такой ущерб может выразиться в уменьшении имущества, неполучении ожидаемых имущественных доходов, приостановлении пенсионных и социальных выплат, иных убытках, связанных с восстановлением здоровья, потерей работы, утратой жилища. Незаконность принятых правоохранительными органами или судом актов должна быть подтверждена их отменой либо признанием действий неправомерными в судебном порядке.

В пункте 1 ст. 1070 ГК РФ содержится перечень незаконных действий правоохранительных органов и суда, при наличии которых законом предусмотрена ответственность в виде возмещения вышеупомянутого вреда в полном объеме вне зависимости от вины причинителя за счет средств казны. При этом данная норма является нормой отсылочного

¹² Обзор практики рассмотрения судами Московской области споров о возмещении вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда от 6 декабря 2016 г. // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Гарант».

¹¹ Российская газета. 22 декабря 2001 г.

характера, поскольку в ней указано, что вред возмещается в порядке, установленном законом.

В качестве закона в этом Обзоре делается отсылка к уже утратившим силу инструктивным документам СССР. Но важно иное — Обзор ориентирован на возмещение лишь прямого ущерба, но никак не вреда в полном объеме.

Понятие вреда, используемое в статье 1070 ГК РФ, не тождественно понятию ущерба. Ущерб является лишь одной

предусматривает особенности реализации права на возмещение вреда.

При этом в содержании пункта 1 ст. 1070 ГК РФ и части 1 ст. 135 УПК РФ можно усмотреть элементы правовой неопределенности в силу того, что о возмещении упущенной выгоды, тем более упущенной выгоды юридическому лицу, чье контролирующее лицо было подвергнуто незаконному уголовному преследованию, часть 1 ст. 135 УПК РФ не говорит.

Как видно из содержания части 2 ст. 135 УПК РФ (предусматривающей применение сроков исковой давности, установленных ГК РФ, для требований по возмещению вреда), деликтные обязательства по возмещению вреда, причиненного реабилитированному лицу, продолжают оставаться гражданско-правовыми, несмотря на то что статьи 135 и 399 УПК РФ структурно являются частью уголовно-процессуального закона.

Видимое несоответствие между статьями 15 и 1064, пунктом 1 ст. 1070 ГК РФ с одной стороны и частью 1 ст. 135 УПК РФ — с другой возможно разрешить, опираясь на базовые конституционные принципы, в частности принцип справедливости. Нельзя считать справедливой ситуацию, когда лицо, пострадавшее от незаконного уголовного преследования — одного из наиболее тяжелых видов деликта, ставилось бы в условия худшие, чем лица, пострадавшие от иных, возможно более легких типов причинения вреда. По этой причине даже в том случае, если соответствующие изменения, гармонизирующие буквальное содержание части 1 ст. 135 УПК РФ перечисленными нормами ГК РФ, не будут внесены законодателем, решить эту проблему, как представляется, можно в рамках конституционно-правового толкования, а также при выработке руководящих разъяснений Верховного Суда Российской Федерации.

Подчеркнем еще раз: оптимальный вариант решения означенных выше проблем — это дополнение части 1 ст. 135 УПК РФ указанием на то, что возмещению также подлежит иной ущерб и упущенная выгода. В статью 1070 ГК РФ целесообразно включить положение о том, что имущественный вред (включая ущерб и упущенную выгоду) должен возмещаться также организации, чье контролирующее лицо было подвергнуто незаконному уголовному преследованию. **□**

Имущественный вред, причиняемый субъектам предпринимательской деятельности, как правило, гораздо более сложный по своей природе, чем вред, причиняемый простому гражданину

из составляющих вреда. Понятие имущественного вреда не может быть по своему объему уже, чем объем понятия убытков (ст. 15 ГК РФ); при этом под убытками понимаются реальный ущерб, т.е. расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества, а также упущенная выгода — неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено. Применение правил о взыскании ущерба и отказ от взыскания упущенной выгоды прямо противоречили бы принципу полного возмещения вреда в деликтных отношениях.

Следует обратить внимание и на иное обстоятельство. Пункт 1 ст. 1070 ГК РФ говорит о том, что причиненный вред возмещается в порядке, установленном законом. Но категория «порядок» относится лишь к последовательности действий и процессуальной форме реализации уже возникшего субъективного гражданского права на возмещение вреда. Содержание субъективного права не следует путать с порядком его реализации. С этой точки зрения следует подходить и к толкованию статьи 135 УПК РФ, которая в частях 2–6 как раз и

Судебные решения в уголовном судопроизводстве и социальные запросы общества

Оксана Валентиновна Качалова

Российский государственный университет правосудия, руководитель научного направления исследования проблем уголовного судопроизводства Научного центра исследования проблем правосудия, доктор юридических наук, доцент
г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности современных подходов к оценке решений, принимаемых в ходе уголовного судопроизводства. Автор приходит к выводу о наличии тенденции отказа от оценки судебных решений с позиций формальной законности, многократного усиления значения обоснованности и мотивированности судебных решений, наличии острого социального запроса на своевременность, справедливость, понятность и предсказуемость судебных решений.

Ключевые слова: судебное решение, доверие общества к суду, законность, обоснованность, справедливость, мотивированность

Judgments in criminal proceedings and social expectations

Oksana Valentinovna Kachalova, Russian State University of Justice, Head of scientific branch of research into problems of criminal proceedings at the Scientific Centre for Research into Problems of Justice, Doctor of Laws, Associate Professor, Moscow, Russia

Annotation. The article deals with particularities of modern approaches to appreciation of judgments adopted in criminal proceedings. The author finds that there is a tendency not to appreciate such judgments from the point of view of formal legality and to attach much more significance to motivation of judgments. The author also concludes that society expects judgments to be timely, just, clear and foreseeable.

Keywords: judgment, social trust in courts, legality, well-founded, justice, well-motivated

Информатизация современного общества, развитие и внедрение в судебную систему современных технологий открывают доступ к большинству судебных решений: они оцениваются обществом с позиций справедливости, способности должным образом разрешить возникший социальный конфликт, обеспечить реальную защиту прав и свобод граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве, соблюсти наиболее значимые общественные интересы. Именно по качеству судебных решений делается вывод о справедливости правосудия, деятельности судебной и правоохранительной системы в целом, способности государства эффективно защищать права и свободы личности. Не вызывает сомнения, что сегодня очень важно информировать общество о деятельности суда и принимаемых решениях, рассказывать гражданам о судопроизводстве¹.

В условиях перманентного реформирования уголовного судопроизводства – расширения круга дел, рассматриваемых с участием присяжных заседателей, создания апелляционных и кассационных судов, законодательных изменений в правовом регулировании мер пресечения и т.д. – требования, устанавливаемые Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации² (далее – УПК РФ) к судебным решениям, формально остаются неизменными: решения, принимаемые в уголовном судопроизводстве, должны быть законными, обоснованными, мотивированными и справедливыми (ч. 4 ст. 7, ст. 297). Однако конкретные требования, определяющие содержание различных видов судебных решений, изменяются и конкретизируются по мере развития уголовно-процессуального права. Фактически содержание таких категорий, как «законность», «обоснованность», «мотивированность», «справедливость» судебного решения, постепенно трансформируется под влиянием разъяснений в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которые, не являясь источниками права,

имеют характер актов толкования права, а также решений Конституционного Суда Российской Федерации, Европейского Суда по правам человека³. Понимание законности, обоснованности, мотивированности и справедливости конкретных судебных решений, которые были вынесены, например, 15 лет назад, и современных решений суда существенно различается.

Наиболее ярко, на наш взгляд, это проявляется в решениях о применении самой строгой меры пресечения – заключения под стражу – и ее продлении. Раньше такие решения носили нередко формальный характер, в них абстрактно указывалось лишь на наличие достаточных поводов полагать, что подозреваемый (обвиняемый) может скрыться, препятствовать производству по уголовному делу и продолжить заниматься преступной деятельностью, как это указано в статье 97 УПК РФ без привязки к конкретным обстоятельствам дела и данным о его личности. Сейчас в решениях о применении заключения под стражу и его продлении суд должен: отмечать обоснованность подозрения в совершении преступления, которое не исключает возможность заключения под стражу; соотносить основания для применения заключения под стражу с конкретными обстоятельствами дела; учитывать состояние здоровья подозреваемого (обвиняемого), что также отразить в решении; анализировать невозможность применения более мягких альтернативных мер пресечения, доводы сторон и указывать, какие обстоятельства свидетельствуют в пользу заключения под стражу, а какие нет⁴.

М.В. Беляев совершенно справедливо выделяет объективные предпосылки для изменения подходов к пониманию содержания судебных решений: существенное усложнение общественных отношений в эпоху постиндустриального общества и возникновение необходимости более детального правового регулирования различных сфер жизни;

¹ См.: «Сегодня важно информировать общество о деятельности суда»: интервью с председателем Ленинградского областного суда Г.В. Перфильевым // Судья. 2020. № 2. С. 62.

² Российская газета. 22 декабря 2001 г.

³ См.: Качалова О.В. Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе. М., 2015. С. 89.

⁴ Подробнее см.: Качалова О.В., Качалов В.И. Заключение под стражу в качестве меры пресечения: обоснованность применения и продления. М., 2019.

развитие интеграционных процессов, в результате которых Россия стала частью общемирового и европейского правового пространства; изменение подходов к правопониманию, определению его надлежащих форм и источников⁵. Автор пишет, что если ранее решение, в котором формально соблюдены требования уголовного, уголовно-процессуального, а также других подлежащих применению в уголовном деле законов и иных нормативно-правовых актов, могло считаться отвечающим требованиям законности, то в настоящее время ситуация изменилась. Для вынесения судебного решения, которое будет отвечать потребностям общества с точки зрения справедливости, недостаточно соблюдения лишь норм закона и ряда подзаконных актов. При вынесении решения суд должен руководствоваться также положениями Конституции Российской Федерации⁶, общепризнанными принципами и нормами международного права, учитывать акты толкования права, данные Верховным Судом Российской Федерации, Конституционным Судом Российской Федерации, Европейским Судом по правам человека, принимать во внимание сложившуюся судебную практику по данному вопросу⁷.

Вышесказанное свидетельствует о важной тенденции – отказе от формального подхода к процессу вынесения и содержанию судебных решений (отказ от формальной законности), появлении все новых требований к содержанию конкретных видов судебных решений, многократном усилении значимости обоснованности, мотивированности и справедливости судебных решений. По сути, абсолютное большинство проводимых в уголовном судопроизводстве реформ ориентировано на создание оптимальных условий для ответов на вопросы, возникающие в процессе возбуждения, расследования и разрешения уголовных дел, и принятия по ним обоснованных и справедливых решений. Так, расширение круга дел, рас-

сматриваемых с участием присяжных заседателей, направлено в том числе на повышение справедливости выносимых с их участием судебных решений; введение апелляционных и кассационных судов имеет целью создание объективных условий для принятия независимых судебных решений.

Активно обсуждаемая в настоящее время возможность введения следственных судей обусловлена необходимостью создания надлежащих условий по вынесению судебных решений в ходе судебного контроля за досудебным производством. Предполагается, что специализация судей на осуществлении досудебного контроля позволит: уделять более пристальное внимание вопросам обеспечения прав участников уголовного судопроизводства на досудебных стадиях процесса и повысить степень их защищенности; создать условия для усиления состязательности уголовного судопроизводства; повысить степень беспристрастности судей, исключив возможность осуществления одним и тем же судьей судебного контроля и рассмотрения уголовного дела по существу; создать дополнительные условия для вынесения независимых, беспристрастных судебных решений. Неэффективность судебных решений, вынесенных в ходе досудебного производства, неоднократно отмечалась Европейским Судом по правам человека: в ряде постановлений Суд напрямую критиковал Россию за отсутствие полноценного судебного контроля за проведением оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий на первоначальной стадии уголовного судопроизводства⁸.

⁵ См.: постановления ЕСПЧ от 15 декабря 2005 г. по делу «Ваньян против России» (жалоба № 53203/99), от 2 октября 2012 г. по делу «Веселов и другие против РФ» (жалоба № 23200/10), от 24 апреля 2014 г. по делу «Лагутин и другие против РФ» (жалоба № 6228/09), от 2 июня 2016 г. по делу «Кузьмина и другие» (жалоба № 66152/14), от 4 декабря 2015 г. по делу «Роман Захаров против РФ» (жалоба № 47143/06), от 7 ноября 2017 г. по делу «Зубков и другие против РФ» (жалоба № 29431/05), от 18 сентября 2014 г. по делу «Аванесян против РФ» (жалоба № 41152/06), от 4 февраля 2020 г. по делу «Круглов и другие против РФ» (жалоба № 11264/04). URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22documentcollectionid%22:%5B%22GRANDCHAMBER%22,%22CHAMBER%22%5D%7D>

См.: *Беляев М.В.* Является ли законность свойством судебных решений? // *Российское правосудие.* 2018. № 3. С. 5–14.

СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

См.: *Беляев М.В.* Судебные решения в российском уголовном процессе: теоретические основы, законодательство и практика. М., 2020. С. 79.

формальный подход

судебная практика

независимость суда

9 771517 817006

В условиях современного общества особую значимость приобретают и так называемые социальные требования к судебным решениям: судебные решения должны приниматься своевременно, быть предсказуемыми и понятными для граждан. Это важно для позитивной оценки обществом правосудия и формирования доверия общества к нему. В этом смысле весьма позитивным представляется опыт Республики Казахстан. С сентября 2018 года в Казахстане изменились требования к форме и структуре судебных решений, в том числе принимаемых в ходе уголовного судопроизводства. Новыми требованиями стали краткий лаконичный текст, доступный язык без использования сложных терминов, ответы на каждый довод сторон, четкая структура с нумерацией (как в решениях международных судов). Помимо этого, судьи стали разъяснять принятые ими решения. Судья, огласив принятое решение, при наличии вопросов сторон должен рассказать, почему он принял такое решение, объяснить логику принятого акта, стороны вправе получить ответы на во-

просы⁹. Это привело к сокращению количества недовольных, постепенному повышению доверия граждан к суду и уменьшению числа обжалований в вышестоящие инстанции (фактическому снижению нагрузки на судебную систему). Полагаем этот опыт заслуживающим пристального внимания.

Таким образом, в современных условиях встает вопрос о необходимости переосмысления требований, предъявляемых к судебным решениям, их структуре и содержанию. Отказ от оценки судебных решений с позиций формальной законности, многократное усиление значения обоснованности и мотивированности судебных решений, социальный запрос на своевременность, справедливость, понятность и предсказуемость судебных решений — новые вызовы времени, ответ на которые должен дать каждый судья. 9

См.: Правосудие Казахстана: реалии, тренды, перспективы. Январь, 2020 год: Сб. // Верховный Суд Республики Казахстан. URL: <http://sud.gov.kz/rus/node/274032>

Продолжается конкурс «ПРОФЕССИОНАЛЬНО О ГЛАВНОМ», объявленный редакцией 1 июня 2020 года. В Редакцию уже начали поступать первые материалы, и редакционная коллегия с большим интересом знакомится с ними

Напоминаем нашим читателям, что 1 июня 2020 года журнал «Судья» объявил конкурс на лучшую публикацию о деятельности судов и судей в Российской Федерации. Конкурс журналистского мастерства судебных репортеров и аналитиков мы назвали «Профессионально о главном». Своеобразным девизом или напутствием участникам конкурса стали слова Председателя Совета судей России Виктора Викторовича Момотова: «Информационная политика становится частью общей стратегии развития судов. Приоритетом для нас является поиск новых подходов и форм информирования гражданского общества, государственных органов и средств массовой информации о работе судов».

Первые материалы уже начали поступать в конкурсную комиссию, и, как мы надеемся, поток их с течением времени будет нарастать. Нет никаких сомнений в том, что главная задача нашего конкурса, не может вызвать никаких нареканий ни у судов, ни у СМИ и даже ни у всего общества в целом. Мы стремимся к тому, чтобы к единым профессиональным стандартам судебных репортеров были отнесены те же требования, что и к судьям: беспристрастность, объективность, честность, законность и профессионализм.

Ждем ваших публикаций и желаем удачи!

Ознакомиться с условиями проведения конкурса можно на сайте www.zhurnalsudya.ru

Мировая юстиция в Солецком судебном районе Новгородской области

В 2019 году исполнилось 20 лет со дня создания мировой юстиции в Российской Федерации. Новгородская область празднует этот юбилей в 2020 году, поскольку первые современные участки мировых судей и мировая юстиция в регионе появились в 2000 году.

Мы решили проанализировать итоги работы мировой юстиции как очень важного звена судебной системы Российской Федерации за этот период на частном примере, а именно побеседовать с мировыми судьями, осуществляющими правосудие на территории Солецкого судебного района Новгородской области.

В настоящее время в этом судебном районе осуществляют правосудие четыре участка мировых судей: № 1 – в п. Батецкий, № 6 – в п. Волот, № 20 – в г. Сольцы, и № 26 – в п. Шимск. Поскольку Солецкий судебный район Новгородской области фактически включает в себя четыре муниципальных района – Солецкий, Волотовский, Шимский и Батецкий, то распределение судебных участков по районным центрам обеспечивает доступ граждан к правосудию, способствует тому, чтобы мировые судьи как самое первое звено судебной системы обеспечивали для рядовых граждан возможность защиты своих прав.

Предлагаем вниманию читателей результаты беседы с мировыми судьями Солецкого судебного района.

Материал подготовила **Светлана Владимировна Маслова**, будучи мировой судьей судебного участка № 6 судебного района Новгородской области. В настоящее время Светлана Владимировна назначена на должность судьи Солецкого районного суда. Редакция поздравляет автора с назначением и переходом в систему районных судов общей юрисдикции. Перемещение мировых судей в ряды районных с дальнейшим выстраиванием карьеры в судебной системе дает необходимый живой диалог и обмен опытом, в том числе житейским, также необходимым при рассмотрении дел. Теме развития карьеры в судейском корпусе будут в том числе посвящены материалы декабрьского выпуска «Судья».

Обеспечивает ли, на ваш взгляд, мировая юстиция доступность правосудия для населения?

Мировой судья судебного участка № 1 Солецкого судебного района Новгородской области
М.А. Круглова:

«Целью мировой юстиции является максимальное приближение правосудия к населению. По относи-

тельно незначительным делам граждане получили возможность обращаться в суд недалеко от своего места жительства, это было особенно важно для людей, не живущих в городах.

Изначально слово «мировой» в названии судов восходило к слову «мір», т.е. община, местное сообщество, где все на виду, и в то же время мировой судья стремился к примирению сторон, урегулированию споров, достижению сторонами соглашения по спорным вопросам. По сути, эти суды составляют сегодня наряду с федеральными

ми районными судами основное звено судебной системы.

В настоящее время нагрузка мировых судей в подавляющем большинстве субъектов Российской Федерации значительно выросла и превышает нагрузку судей федеральных судов».

Мировой судья судебного участка № 6 Солецкого судебного района Новгородской области
А.В. Разорёнов:

«Считаю, что в этом аспекте мировые суды не очень сильно отличаются от судов федеральных. Они обеспечивают гражданам доступность правосудия примерно на одинаковом уровне».

Мировой судья судебного участка № 20 Солецкого судебного района Новгородской области
О.В. Швалева:

«Да, мировая юстиция обеспечивает доступность правосудия для населения, поскольку мировые судьи как составная часть судебной системы Российской Федерации наиболее приближены к населению, о чем свидетельствуют в первую очередь отнесенные законодательством к подсудности мировых судей категории гражданских дел и дел об административных правонарушениях».

Мировой судья судебного участка № 26 Солецкого судебного района Новгородской области
С.В. Маслова:

«Безусловно, эту важнейшую функцию выполняют судебные участки мировых судей, поскольку это наиболее близкая к населению форма судопроизводства, исходя в том числе из категорий подсудных мировому судье дел, цены иска и характера рассматриваемых требований».

Как вы относитесь к последним изменениям уголовно-процессуального и гражданского процессуального законодательства в части изменения подсудности некоторых категорий гражданских и уголовных дел и их отнесения к подсудности районных судов? Уменьшилась ли нагрузка на судебных участках мировых судей?

Мировой судья судебного участка № 1
М.А. Круглова:

«На мой взгляд, нагрузка на мировых судей в результате этих изменений в целом не снизилась, потому что она ежегодно возрастает и уменьшение числа дел одной категории компенсируется увеличением количества других споров».

Мировой судья судебного участка № 6
А.В. Разорёнов:

«Нагрузка уменьшилась, особенно по уголовным делам. Изменения подсудности принимаю как данность, поскольку фактически из категории дел ушли семейные споры, связанные с алиментами».

Мировой судья судебного участка № 20
О.В. Швалева:

«Незначительно уменьшилась нагрузка по уголовным делам, снижение нагрузки по гражданским делам не наблюдается. Изменение подсудности по уголовным делам полностью обоснованно и практически оправданно, оно служит обеспечению принципа объективности и беспристрастности при рассмотрении каждого дела. То же можно сказать об отнесении к подсудности районного суда исков об изменении и прекращении алиментных обязательств граждан, исков об определении порядка пользования имуществом. В остальной части изменение подсудности по гражданским делам вряд ли можно назвать целесообразным и служащим цели обеспечения доступности правосудия для населения».

Мировой судья судебного участка № 26
С.В. Маслова:

«Отнесение уголовных дел с административной преюдицией к подсудности районных судов, на мой взгляд, обоснованно, поскольку позволяет обеспечивать объективность и беспристрастность при рассмотрении дела и соблюдение

принципов уголовного судопроизводства при рассмотрении судом уголовных дел. Что касается гражданских дел по алиментам, то сложно сказать, чем руководствовался законодатель при внесении указанных поправок в Гражданский процессуальный кодекс. Нагрузка по уголовным делам уменьшилась значительно, поскольку изменения внесены с начала 2019 года, по гражданским делам изменение нагрузки пока не ощутили».

Какие, на ваш взгляд, самые актуальные проблемы мировой юстиции на сегодняшний день? Каковы пути их разрешения?

Мировой судья
судебного участка № 1
М.А. Круглова:

«Самыми актуальными проблемами мировой юстиции остаются высокая нагрузка на мировых судей и аппарат, большой объем приказного производства (в большей части его исполнения, которая возложена на аппарат), дефицит кадров и денежного поощрения сотрудников аппарата, отсутствие доступной юридической помощи для людей, живущих в сельской местности.

Уменьшить нагрузку можно путем увеличения численности мировых судей за счет снижения нормы численности населения на каждом судебном участке. Разработать рекомендации по организационному обеспечению деятельности мировых судей, нормативы обеспечения мировых судей современной вычислительной техникой, другими материально-техническими средствами, а также штатной численностью государственных служащих и обеспечивающего персонала, методические рекомендации по организации делопроизводства.

Еще одной проблемой видится взаимодействие мировой юстиции со средствами массовой информации. Сегодня на центральном телевидении много программ, посвященных отправлению правосудия. Основные сведения о деятельности судов граждане получают из этих передач, многие из которых носят характер шоу, поэтому представления граждан о работе мирового суда несколько искажены. Мировая юстиция, которая ближе к населению, «обречена» на сотрудничество со средствами массовой информации. С целью правовой информированности граждан необходимо постоянно и оперативно предоставлять СМИ сведения по судебной тематике, о деятельности суда».

Мировой судья
судебного участка № 6
А.В. Разорёнов:

«Нагрузка на мировых судей по области распределена неравномерно. Так, нагрузка на судей ряда районов, особенно Великого Новгорода, недопустимо высока, что вынуждает их работать сверх всех установленных и приемлемых норм, в том числе в вечернее время и в выходные дни.

Количество судебных приказов чрезвычайно высокое. Взыскатели (особенно налоговые органы, ресурсоснабжающие организации) направляют приказы одновременно большими партиями, неравномерно. Судья вынужден их разрешать, не считаясь с текущими делами. Необходимо ограничить возможность предоставления таких заявлений одновременно.

Также волнует вопрос материально-технического обеспечения участков.

Профессиональный уровень аппарата необходимо постоянно повышать».

Мировой судья
судебного участка № 20
О.В. Швалева:

«К актуальным проблемам мировой юстиции на сегодняшний день, безусловно, нужно отнести высокую нагрузку на мировых судей и аппарат на большинстве судебных участков, необходимость рассматривать все категории дел, что прямо сказывается на качестве работы отдельного судьи и повышении уровня его профессиональной квалификации. Очень большой объем приказного производства не только выбивает судью из объективно нормального и достойного процесса отправления правосудия, но и крайне негативно сказывается на здоровом образе жизни судьи, его моральном и физическом восстановлении, — эта проблема встает особенно остро в отсутствие на судебном участке помощника и в период замещения. Также к актуальным вопросам следует отнести острый дефицит квалифицированных кадров аппарата, в первую очередь помощников судей и секретарей судебных заседаний, что также напрямую сказывается на качестве отправления правосудия на судебном участке. Условия материально-технического обеспечения мировых судей мало соответствуют роли и статусу мирового судьи в обществе, объему выполняемой им работы».

Мировой судья
судебного участка № 26
С.В. Маслова:

«К актуальным проблемам мировой юстиции я бы отнесла материально-техническое обеспечение судебных участков. Несмотря на все старания Комитета, который работает на высоком уровне, оперативно отвечает на запросы мировых судей и специалистов судебных участков, уровень обеспечения мировых судей остается гораздо ниже районных судов. Вероятно, это связано с финансированием. Вместе с тем не могу не отметить уровень зарплаты аппарата мировых судей, который выше, чем в районном суде, в связи с чем наблюдается отток кадров из районного суда на судебные участки. Кроме того, в ряде районов области существует такая проблема, как отсутствие квалифицированной юридической помощи, связанное с тем, что там нет адвокатских кабинетов (это касается таких районов, как Вологовский и Батецкий). На судебных участках в городе я бы отметила высокий уровень нагрузки у мировых судей и аппарата, который вызван еще и необходимостью замещать отсутствующих мировых судей».

По вашему мнению, обеспечивает ли мировая юстиция решение тех задач, которые ставились при ее создании?

Мировой судья
судебного участка № 1 М.А.
Круглова:

«Считаю, что на сегодняшний день мировая юстиция доказала свою жизнеспособность и полностью справляется с решением тех задач, которые ставились при ее создании».

Мировой судья
судебного участка № 6
А.В. Разорёнов:

«Полагаю создание института мировой юстиции неоднозначным, поскольку это повлекло деление судебного корпуса, возникли вопросы подсудности между ними».

Мировой судья
судебного участка № 20
О.В. Швалева:

«Количество рассматриваемых мировыми судьями дел, наверное, свидетельствует о том, что мировая юстиция обеспечивает решение тех задач, которые ставились при ее создании».

Хочется пожелать коллегам здоровья, бодрости духа, оптимистичного настроения, чувства гордости и удовлетворения от выполняемой ежедневно работы, грамотного сочетания труда и отдыха, вызывающего желание идти вперед в служении закону».

Мировой судья
судебного участка № 26
С.В. Маслова:

«Уверена, что обеспечивает, и это подтверждается большим количеством дел, рассмотренных мировыми судьями».

Хочется пожелать коллегам в первую очередь здоровья, радости от своей работы, чтобы работа в разумной пропорции сочеталась с отдыхом и восстановлением».

***

Возрождение мировой юстиции было вызвано серьезным увеличением нагрузки на районные суды и, как показывает время, оправдалось в полной мере. На сегодняшний день именно мировая юстиция обеспечивает максимальную доступность правосудия, приблизив его к населению, поскольку судебные участки образованы на всей территории России. По всей стране на благо судебной системы и мировой юстиции трудятся мировые судьи, обеспечивая рассмотрение уголовных дел небольшой тяжести, наказание по которым не превышает трех лет лишения свободы, дел частного обвинения, имущественных споров, дел о расторжении брака, дел об административных правонарушениях в области дорожного движения и многих-многих других. Нельзя забывать и о приказном производстве, которое составляет значительную часть нагрузки мирового судьи. Поэтому смело можно сказать, что возрождение мировой юстиции — один из этапов судебной реформы, и этот институт за два десятилетия доказал свою эффективность.